

СВЕТЛАНА МЕЛЕНТЬЕВА

Светлана Владимировна – коренная москвичка. Окончила Московский транспортно-экономический институт. Автор 3-х поэтических сборников “Лирический дневник”(1998), “Поэзия всегда со мной”(2002), “Сонеты”(2006). Член литературного объединения “Гнездо Пегаса” (Москва, Строгино). Член СП России.

СОНЕТ

Своих детей привыкли опекать
Мы с первого младенческого шага,
Но чтоб с годами бури побеждать,
Нужны свои им сила и отвага.

От их беды сжимаются сердца.
Закреть бы их плечом, сторожким словом,
Как дочь скрывает горе от отца!
Как сын от боли хмурится сурово!

И все же от совета удержишься.
Пусть у детей тяжелые утраты,
Но это их единственная жизнь,
Душа от бед становится богатой.

Суметь бы нам, жалея горячо,
Подставить молчаливое плечо.

XXI ВЕК

сонет

Мне в детстве XXI век
Казался сказкой небывалой,
Где вся земля всеобщей стала,
Где ярче свет, белее снег.

Попасть бы в этот мир любви,
Ведь не дожить могу до счастья!
Я - в XXI-м. Здесь, увы, -
Жестокий мир с позорной властью.

И чтобы выжить, я ищу
Утех в искусстве ренессанса,
Пою старинные романсы
И стансы Пушкина шепчу.

Но ненасытен человек!
И снова манит новый век.

ЧЕХОВ В ЯЛТЕ

Сентябрь в Ялте – бархатный сезон,
Он — знойных дней задумчивое эхо,
Весь мир как будто негой напоён...
Сто лет назад сюда приехал Чехов.

С тех пор и сад, и тихий белый дом
Полны душой большого Человека,
Мечты о счастье в творчестве своём
Он дарит нам на протяжении века.

Он здесь друзей радушно принимал,
Он здесь писал и радовался книге.
Здесь Левитан взволнованно вздыхал,
Смеялась и капризничала Книппер.

И часто под гостеприимный кров
Стекались представители искусства,
И Чехов всех был выслушать готов
И разделить их трудности и чувства...

Я думаю о времени былом
И возвращаюсь к Чехову всё чаще.
Всю ночь звенят цикады за окном,
И розы по-осеннему пьянятся.

И Ялта с вечной праздной суетой,
Где толпы развлекаются искусно.
У памятника Чехову — покой,
Он смотрит вопросительно и грустно.

ЧЕРЕМУХА

Весенним вечером усталые
С работы люди возвращаются.
В метро и юные, и старые
Присесть на лавочки стараются.

И вдруг усталость словно сбросило —
В вагон внесли букет черёмухи,
А с ней ворвались неба просини,
И позабылись жизни промахи.

Все ароматом растревожены,
Мечты летят — не остановятся,
И лица разные похожими
От глаз задумчивых становятся.

А ветки, словно невесомые,
Смеются, пенятся, качаются...
И люди, даже незнакомые,
В метро друг другу улыбаются.

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

Я - москвичка до мозга костей
И Москвою привыкла гордиться.
Многочисленных наших гостей
Я люблю поводить по столице.

Главной улицы шумный настрой
Передать, прикоснуться на ощупь
К бывшей Горького, ныне Тверской,
Что вливается в Красную площадь.

Познакомить с Московским Кремлем,
Красной площадью и Мавзолеем...
Вдохновенно могу обо всем
Говорить, языка не жалея.

У Москвы хлебосольный задор.
Вот и я пирогами встречаю,
Ароматного крепкого чаю
Наливаю в старинный фарфор.

По бульварам веду не спеша,
Расскажу про дома и ограды...
Каждый раз расцветает душа
Как алябьевских песен рулады.

Опекушинский Пушкин стоит,
Там Есенин, левее — Высоцкий,
То стихами беседа журчит,
То знакомою песней поётся.

Здесь девчонкой тринадцати лет
Любовалась салютом ПОБЕДЫ,
Был улыбками воздух согрет,
И казалось — закончились беды.

Под напором народной волны
К центру шли мы стихийным парадом,
Тихо плакала бабушка рядом -
Мой отец не вернулся с войны.

Если я далеко от Москвы,
То грущу без столичного лоска,
Без реки и небес синевы,
Без метро и толкучки московской.

Галереи, театры, салют -
Всё в Москве и привычно, и ново.
Я свой город всем сердцем люблю
И любовью делиться готова.
2003 г.

“ИДУ НА ВЫ”

Гласят старинные былины:
Князя Владимира, Москвы
Врагу, собрав свои дружины,
Давали знать: “Иду на Вы”.

Мне этот нравился обычай,
Он гордой честностью дышал,
И вместе с фразой привычной
Он для меня девизом стал.

Так, если в деле есть помеха,
В атаку я “иду на Вы”.
И если даже нет успеха,
Не опускаю головы.

“Иду на Вы” - с девизом этим
В труде, в быту - открытый бой,
Но лучше бой открытый встретить,
Чем наговоры за спиной.

“Иду на Вы” — тревог немало
Узнаю, но не уступлю,
«Иду на Вы» — тебе сказала,
Боясь поверить, что люблю.

ЯНВАРЬ

Мороз. Задорно под ногами
Скрипит укрывший землю снег.
Зима куражится над нами,
Невольно ускоряешь бег.

Нам мягкой слякоти не надо!
Мороз, снежинок кутерьма...
Веселый смех и дерзость взгляда
Нам дарит русская зима.

Забывтой юности забавы:
Снежки, салазки, красный нос,
В сугроб завалишься на славу
И позабудешь про мороз.

Зима – красавица и пава,
И белолица, и светла,
При ней деревья величаво
Стоят в убранстве из стекла.

А ночью сонными лугами
Волшебно голубеет снег,
И если вторгся человек,
Скрипит задорно под ногами.

ОЖИДАНИЕ

Глаза, как озёра нежности,
Ношу, боясь расплескать,
И чувство весенней свежести
Проснулось во мне опять.

Весна! – хоть снежинки кружатся,
Весна – хоть метель поёт.
Не знаю, как дальше сложится,
Но радости сердце ждёт.

Г. ПАШНЁВ

Георгий Николаевич Петров родился в Приангарье (Красноярский край). Закончил факультет журналистики МГУ. Работал на стройках, заводах, в редакциях Красноярского края, газете «За Родину!» на строительстве Восточного участка БАМа, в центральной печати (журнале «Советский Союз», газетах «Правда», «Российские вести»). Последние годы – в PR-структурах госучреждений. С рассказами публикуется впервые.

В СНЕГАХ

Рассказ-быль

А ты не ругайся, Анюта, не ругайся. Никакой я не пьяный, а так, выпивши. Ну и что из того, что Эрих не выпивал со мной? Он ни с кем не выпивал, а не только со мной.

Имею я право посидеть с ним в последнюю его ночь на этой земле? Скажу тебе прямо: имею! Все подтвердят, да и ты знаешь, что мы с ним в хороших отношениях, почитай, тридцать лет уже. Не всякие таким могут похвалиться. Друг ему я получился. Вплоть до того, что я именно его из вертолета выносил. А сюда кто его привез? А гроб без меня тебе бы сделали? Твердишь, вот сделали бы да сделали бы... Нет! Не сделали бы. Да что ты про «Зверопромхоз» талдычишь? В столярке нашей без моего слова неделю бы сколачивали. А через меня – так за полдня. И доски, вишь, хорошие, сухие, и размер в самый раз. Вот то-то. И лапника для венков заготовил кто? Дух-то в избе – пихтовый. И с могилкой помогал.

Ну, не сердчай, Анюта! Недолго я. Поговорю вот. Мне ведь не привыкать к такому повороту: что он молчит, а я говорю. С Эрихом, когда целый сезон рядом охотились, так всегда и было.

Как когда? Забыла уж? Да в тот год, как Терешкова в космос полетела. У меня тогда враз три избушки сожгли, вот тогда-то с Эрихом и договорились, сошлись, взял он меня на свои угодыя.

Так я и говорю, что у меня с ним так и было. Поначалу у нас с ним разговор кувыркался, как белка подбитая, что с кедра падает. Разговариваем, вроде, вдвоем же. А говорил я, считай, один. Потом привык я. Он только буркнет что-нибудь, хмыкнет, только глянет, а мне уже и понятно все. Согласен ли он, не согласен, какая у него точка зрения есть на все, о чем говорим.

Дай табуретку-то. Во, руку Эриха узнаю. Ладная, легкая, прочная. Вот тут, рядышком с ним, и посижу.

Ну и пусть, что не брат он мне и не сват. А ты как думаешь: – брат, самый что ни на есть дорогой человек бывает, близкий самый? Не кровь ведь роднит, а это ... как тебе сказать... а душа. Родной мне Эрих человек через душу.

Понимал я его, ох как понимал. Даром, что он молчун. Он более, чем говорюны всякие, смысла в делах имел. На душу его через дела смотреть надо, через отношения ко всяким людям. Вот к тебе? Успел он тебя обидеть? Обижал? Нет. А Октябрину хоть раз попрекнул? А дочку ее Ольгу? А собак своих шугал – Мару и Рахваса? Вот то-то. А видела ли ты еще, кто любил бы дитя, как Эрих сына своего? Ну и сын у него был хороший! Чистая ртуть, и все тут. А умный какой! Такие раз в сто лет рождаются.

Да. Через душу его, через жизни наши схожие мы и стали с ним как родные. Посижу я тут рядышком. Не сердчай, Анюта, не сердчай. Да не клонюсь я, не клонюсь. Я тихо буду. Вот, гляди, пламя свечки под образом не колышется от моего дыхания. Значит, – не пьяный я. А икону почему поставила? Христианин он был, говоришь? Ну тогда ладно.

Так я про обиду, Эрих. Помучился ты за свою жизнь, ох и помучился. Жизнь тебя крепко на поворотах своих цепляла. Теперь-то тебе легче. Вон и морщинки на лбу распрямились, лицо посветлело вроде.

Вот все мы так. Живем и думаем: хорошо-то как, живем ведь. Другие, дескать, в земле уже, а ты – живой еще. И не знаем, где радости больше, – тут ли мытариться, от жизни чего-то ожидая, – манны небесной? Или упокоиться, вот как ты.

Именно – как ты! Без болезней, без врачей наших – коновалов, а разом, в одночасье, от сердца то есть. Почитай, на работе прямо, как в газетах средка¹⁷ пишут: при исполнении.

А как же на работе! Вертолетом его, Анюта, на зимовье забрасывали, на рыбалку летнюю. Да что я тебе рассказываю, ты же его собирала. И вот на тебе: сердце у тебя выключилось прямо в вертолёте. Как прожил ты жизнь свою, от людей устранившись, так и усоп, расстался с жизнью без свидетелей. Летчик-то, когда к избушке его подлетали, оглянувшись, догадался, что неживой.

Эрих, скажу тебе, что думаю. Похожие у нас с тобой жизни. Только постарше я чуточку, вот, войны ухватил. Немного, правда. Под Харьковом свой последний бой держал. «За Державу!», как говорят. А в плену, вишь ты, больше воевал. Бежал два раза, прятался, а без толку все. Суета это все была. Нас в Польше как свои освободили, так напрямик сюда, на сибирскую землю, на Родину мою и повезли. Из плена, где в «колючке» сидели, да в лагерь, опять за «колючку». Помнишь, Эрих, как нас в лагере шпана всякая называла? Вы, дескать, изменники Родины, что в плену оказались. А разобраться, кто довел солдата до плена? Не знаешь? Я знаю.

Да рассказывал я тебе все в подробностях о той зимовке на Чапе, помнишь?

А ты, все ж таки, на немцев смахиваешь! Я как на лицо твое гляну, все плен вспоминаю. А вот злобы на тебя не имею. Хоть похож ты и говором на них. Скажу тебе так: – маловато пришлось тебе на охоте говорить-то на русском. Только разве что с собаками. А шут его знает, по-русски ты с ними беседовал или нет.

Да знаю я, Анюта, что эстонец он. Ты меня не путай. Не считай за бестолочь. Я ж сказал, что на немцев он только смахивает. А мне и неважно, немец ли он, эстонец или мордвин. А что он эстонец, так я от него самого знаю. Эрих мне про то рассказывал, как у нас в Сибири оказался. Коллективизацию у них сплошную после войны устроили, как у нас в тридцатых. Я-то вот хлебнул колхозной жизни до войны. Да и ты, Анюта. А Эрих, видишь ли, не захотел.

¹⁷ Средка – изредка.

А ты думаешь, здесь в Сибири обрадовались колхозам? Уперлись мужики, особенно которые в революцию еще в партизанах против Колчака бились. Позабрали их, а чтоб других запугать, – аж Буденного из Москвы прислали. Я мальчишкой был ещё, помню, как по Пашенной улице его люди костры жгли по ночам, песни пели. Нам-то, юнцам, интересно. Не понял я тогда, почему батя крепкими словами выражался о приезде тех «гитаторов» за колхоз. Уже потом в армии уразумел – силком колхозы делали. Да и у них в Эстонии, видно, так же – насильно.

Анюта, посеCRETничая с тобой. Он мне под настроение о жизни своей в молодости рассказывал, про деревню свою Ракверу вспоминал, про крепость тамошнюю. Вишь, как дело повернулось. Не захотел ты чужих порядков на своей земле в Раквере – и оказался тут в этой избе своей. Во как в жизни получается! А еще раз про «двадцатку» какую-то обмолвился. Жалко, дескать, что мальчишкой в двадцатку не пошел. Только не понял я тебя. А спрашивать не стал – раз не говоришь сам, то и мне в душу лезть ни к чему.

Жилкин-то – Анюта, Жилкина помнишь из райцентра? – приезжал после нашей с тобой, Эрих, совместной охоты и все жилы, паскуда, из меня тянул. Дескать, не рассказывал ли Эрих Коль, как с фашистами работал? А я возьми да и скажи этому Жилкину, что если Эрих, то есть – Коль с немцами работал, так отсидел он свое. Это так, к слову. А если бы взаправду работал, так, скорее, и уехал бы с ними. В сорок четвертом. Вот как уел¹⁸ я Жилкина! Тогда только он и отстал от меня. Хоть ты, злился он, и боевой солдат, и фронт прошел, а все ж таки тебя правильно в лагерь отправили. Из одной ты, говорит он мне, это я, значит! – из одной с Эрихом компании. Гады, дескать, мы. На это намекнуть хотел. Эх, попадись нам такой, как Жилкин, в «Совруднике», в лагере, мы бы мозги ему направили. Мы бы ему показали!..

Все-все, не буду, Анюта, орать. Да и не ору я. Вот Эрих подтвердит. Лежи, лежи, Эрих, только вот дай свечу с разреши-

¹⁸ Уедать – причинять неприятности, уязвлять.

тельной молитвой поправлю. Держишь в руках, будто мне даешь. Рано мне, не готов я к смертному часу-то.

Ну вот, Эрих. Ты в зверопромхозе с пятьдесят девятого. Так? Я уж до того времени пять годков здесь отработал, в передовых себя числил. А через три сезона ты, Эрих, обошел меня. Шестьдесят один соболь! Да без малого три сотни белок за сезон! Все тогда рты и поразевали, когда итог объявили. А унижить тебя Жилкин все ж нашел-таки способ – за полщены да за четверть цены велел брать твои соболиные шкурки. Видел ты несправедливость эту да молчал. А нас, охотников, кто послушает?

Ты, Анята, знаешь, сколько это надо сил, чтоб столько, как Эрих, добыть? Ааа, то-то, не знаешь. А я знаю. Соболя да белки – это еще не все. Сохатого завалил, разделал да из тайги выволок, чтоб вертолетом забрали. А летом столько трав и ягод сдал, а рыбы сколько наловил, рябчиков да косачей настрелял.

В тот год сил надо было особенно много. Зима была, как сейчас помню, самая что ни на есть снежная. Сентябрь, а снег так повалил, что даже я, сибирского роду-племени, в жизни своей никогда не видывал. Земля еще теплая – заморозков-то так и не было, – а он валит да валит такими вот, с ладонь, хлопьями. Да, Анята, с ладонь. А может, и с шапку. Ровно из подушек вспоротых бог землю усыпал. Хошь верь, хошь нет – таять не успевает, все валит и валит. Земля, мне тогда почудилось, в забытьё от такой напасти впала, вроде как спелёнутая корчится, а молчит. Траву и кусты на открытых местах прикрывает, а на деревьях крыша сплошная, аж темно. А потом морозы ударили. Пустоты под снегом образовались. На брусничниках в таких пустотах под снегом ягоды можно было собирать. Не веришь? Вот те крест, Анята!

Ну и не верь, раз не хочешь. Эрих вот не даст соврать. Так было, Эрих? Молчит, не отвечает. Приятное я тебе напомнил. Понятливый. Понятливый и сильный. Сильный был мужик. Без боли, слабостей и страхов ты с жизнью расстался. Потому и лежит такой спокойный.

Так я что скажу тебе, Анята. Ты бы это... налила бы пол-стаканчика. На похороны три ящика водки тебе ведь выделили, а? Как кто сказал? Сама Нинка, продавщица. Все бесилась, что весь остаток запасов тебе отдали. Она, видно, в загашник спря-

тать не успела. Сельсовет ведь распорядился. А завоз водки только через неделю. У меня ведь есть дома, да не идти же мне сейчас домой!

Да налей, налей. Да в два стакана. Что ж ты такая непонятливая? Эриху и мне. Да нет, его стакан не трону. Свое только выпью, помяну.

А! Хороша брусничка!

Эрих еще собирал? Царство ему небесное. Вишь, до июня сохранилась в целости. Осенью я тебе наберу ведро. Сказал – сделаю! А с дровами у тебя как? А то заготовлю, слышь?

Да, нынче-то шесть десятков соболей никто за сезон не отстреливает. Тайга стала ровно оскопленная да оглушенная. И сезон вроде хороший, и шишка кедровая еще бывает. И ягода в ягодных местах есть, а зверя совсем мало стало.

Кто, это я стал старый, что ли? Ты думаешь, что говоришь-то!

Это соболь стал хилый. Раньше-то кота подстрелишь – шкурка в полметра да хвост вполовину. А теперь зверь лядящий¹⁹, чуть не вдвое меньше. И больше рыжеватый. А тогда-то темный, чуть ли не черный мех был. Ну вот как небо за окном.

Переживал Эрих, а не только я, что охота бедная да скучная становится. Мучило это его. Даже больше того мучило, что за все эти годы его как лучшего охотника так и не признали. Ровно не было его – и все тут. Считалось: лучший охотник обязательно из надёжных людей, коммунистов.

К примеру, Туесок. Его, этого Туескова, сколько лет за лучшего держали? Два ордена дали и медаль, а того знать не хотели, что хапуга он был, простыми словами говоря. Издевался, можно сказать, над тайгой, да и мех налево сбывал. Как такого в лучших числили?

Тыщу способов находили, чтоб таких, как мы с Эрихом, унижить без слов, в душу плюнуть. На медаль, шумели, представляем вас с Эрихом! А потом шепотком до нас доходит: не прошли, дескать, документы. Не будет вам наград. А то мы без них с Эрихом не проживем! И на слетах охотников про нас ни слова! Минский после слета всегда подойдет, после стаканчика

¹⁹ Лядящий – плохой, дрянной, хилый.

вроде извиняется - не велели упоминать в докладе. Ну я его матерком и успокаивал, чтоб не мучился совестью.

Вот те раз - опять в голову Жилкин лезет со своим «из одной вы с Эрихом шатии-братии». А он, Жилкин да Туесков, из друзей “товарищей-коммунистов”, стало быть. Другого, значит, разлива, другой, выходит, шатии-братии. Едрёна-корень!

Прости, господи! С другом своим прощаюсь, а говорю о бестолковом, мнится что попало.

Сердце твое, Эрих, выдержать и такое сумело. Не тогда оно надорвалось, когда тебя не замечали как охотника лучшего. И не раньше, когда в лагерях ты был. И не драге²⁰, для которой дрова пилил сколько зим после лагерей, когда присудили тебе высылку. И не тогда вовсе, когда не захотел ты поехать в свою Ракверу.

Брат-то твой сродный²¹, говорил ты мне, в правительстве эстонском чуть ли не министром был. Ты, Эрих, поди, не хотел «пятно» на него своим приездом из ссылки сибирской бросить. Вишь, как получилось – признал твой братец власть – и министром стал. А ты не признал – вот и в Сибирь угодил. А что – и здесь люди живут, всех обиженных привечают²², никому плохого не делают. Полюбил ты землю нашу, природу и людей наших. Не обижался, если что не так.

А надорвалось твое сердце, Эрих, я знаю, когда. Это в тот раз, когда с сынком твоим Эмилем все и случилось.

Уж как ты выпрямился, когда у вас с Октябриной он родился! Сколько тебе тогда было? За пятьдесят получается. Крепко, видно, ты Октябрину уговаривал, если она в сорок четыре родить согласилась. У нее ведь к тому времени внуку от дочери ее, а твоей падчерицы Ольги, уже три года было. А тут снова - молодая мать! А решилась, хоть и разговоры по деревне пошли. Все с улыбочками да намеками несправедливыми. Я-то укорот давал самым ехидным, матом их посылал. Потому как знаю, – человеку, мужику то есть, сына надо иметь обязательно. Хоть и в такие-то годы.

²⁰ Драга – землечерпательная плавучая установка. В данном примере используется на добыче золота.

²¹ Сродный – двоюродный.

²² Приветить – отнестись приветливо.

Аккурат под Новый год прилетели мы в поселок со своих зимовий, а тебе тут и новость: Эмиль, твой малыш пятилетний, в сугробе задохнулся! Что да как там получилось - никому и сейчас неясно. Эмиль все играл со старшими ребятами - такой он толковый и рассудительный. Со сверстниками ему, поди, скучно. Ребятишки и рассказали, что в тот день они с крыши складов в снег прыгали. Там сугроб намедет - что второй склад! Вот они его и подзадоривали: а отсюда прыгнуть сможешь? А отсюда? Он, как и ты, гордый ведь был, не мог в их глазах на попятную. Отовсюду, наравне с ними, и прыгал в снег.

А к вечеру, когда старшие навозились в снегу да по домам разошлись, не подали виду, что Мильки с ними нет. А он, поди, в последний разок решил прыгнуть да зацепился, видно, штаниной, и в двухметровый сугроб не ногами, а головой и угодил. Испугался, поди, захолонуло его сердечко, вот и задохнулся. Так, сказывают, и нашли его. Ночью уже.

Октябрина, царство ей небесное, тоже не вынесла того, что мальчонку не уберегла, совесть, значит, ее замучила. Враз почернела, все убивалась над сынулёнком своим Милечкой, ну а к похоронам и ты прилетел из тайги.

Помнишь, вся школа санаторно-лесная, где Октябрина работала, на похороны пришла. Любили ее, работающую, все до единого в той школе. И Мильку любили - он все при ней в школе был, убираться помогал. Да что школа – половина поселка пришла тогда. А «энергоцех» – так они свой духовой оркестр прислали. Играли, помнишь, Эрих, бесплатно, не взяли денег с тебя. А потому, что – уважали! Мороз был за тридцать. Только и согласились прийти к столу, выпили для сугреву спирту да пельмешками закусили. Ты тогда за столом обмерший какой-то сидел, не замечал вокруг никого, как тебя ни шевелили.

Ну вот, и небо уже виднеется... Коротки теперь ночи. Так коротки, как на охоте, бывало, день казался.

Анюта, слышь, так я выпью еще? Не зуди, я глоток сделаю, не стану все сразу. Вот, смотри. Глоток только и сделал.

Да, похороны Мили памятные вышли. Даже в районной газете соболезнование напечатали. Так, мол, и так, все охотники печалятся и, соболезнуя, переживают отцу и матери из-за трагической гибели их сына Эмиля.

Такое наш «Северный охотник» печатал только Насте Бурмакиной, да старикам Яковенкам, когда на их сыновей похоронок приходили из Афгана. А Насте Бурмакиной – так и гроб не привезли с сыном. Нечего было везти – такое ей военком в райцентре объяснение дал. А не стал объяснять, зачем в Афган ребят посылали? Жизнь там красивую, вроде нашей, наладить хотели, что ли?

Это так получается. К примеру, поругаются муж с женой в доме, а тут чужак со стороны придет – давайте, дескать, наведу у вас порядок. Так и солдаты наши, выходит, порядок в чужой семье установить хотели. Ни к чему это – лезть в чужую жизнь-то.

Тоже сказать про Настю – как могло ТАКОЕ пережить ее сердце? А – пережила. Вот Октябрина не смогла. Только могилка Милина травкой к лету покрылась, так и Октябрину рядом в землю положили.

И ты, Эрих, там же, рядышком будешь. Я уж позаботился о могилке. Душа в душу вы с ней прожили, ты Ольгу помог ей поднять, не родная она тебе, а помог. В люди вывести – вон в крайцентре институт кончила, замуж хорошо вышла, дочку воспитывает. Дочка – оно надежней, чем сын-то, это я по себе знаю. Да я тебе рассказывал, что уж тут рассусоливать.

А второй удар сердцу твоему через три года после похорон получился. Вы уже с Аннушкой сошлись, век решили коротать вместе.

Анюта, про тебя сказ-то, послушала бы.

Приходит как-то по осени ко мне Эрих – это перед тем, как в тайгу улетать, и объявляет, чтоб теперь я за избой его не смотрел. Анну попросил. Она, говорит, по соседству, ей и сподручней. Так, Анюта?

Он тебя Анной называл. Серьезные на тебя виды имел, с уважением относился, хоть еще и не сошлись вы тогда. А ты, чуешь мое сердце, довольная была, хоть и скрывала. А? Так я говорю? Да не стучи ты ножом, успеешь еще наготовить. С нами бы поговорила. Со мной да Эрихом.

Ну ладно, не бубни. Отстану.

Да. Всю жизнь только Нюрка, да Нюшка только и слышала. А тут сразу – Анна! Для тебя имя такое вслух сказанное, поди, как царица для тебя. Да если б муж твой первый, Егор,

хоть раз тебя так назвал, так, поди, на руках бы его носила, а? А он, вишь какая у тебя история, выпить крепко любил, не ценил тебя, не жалел, а только обижал довольно.

Знаю я, все знаю, и не маши на меня рукой! Мне моя Тармака много про тебя рассказывала. А вы ведь подружки вон с какого времени!

Да, говорит, Анна за хозяйством посмотрит. Ну, Анна так Анна. Понял я все сразу, а он сватовство вроде устроил, пригласил к себе, бутылочку поставил. Душевный был, хоть и говорил «в час по чайной ложке». А ты говоришь – не сват, да не брат. Очень даже сват я.

Так о чем я, Анюта? Да, о той зиме, когда собак у него волки порвали. Эрих еще летом знал, что плохая зима будет. Осенью он отправился на свои угодья порыбачить, пока река не замерзнет, а потом и путики подлаживать, тропы подновлять, от валежника да поваленных деревьев освобождают, избушки подлатывать, дров для каждой заготовить. А было у него четыре избушки. И в каждой – не поверишь, Анюта! – тапочки домашние!

Я как в первый раз у него на зимовье увидел такое – чуть не свихнулся. Вот те крест. Как что такого? Мне, правда, еще до первого раза, как я попал на охоту в его угодья, летчики да охотовед наш Минский сказывали, что Эрих Коль в зимовье в тапочках ходит, так я не поверил. А потом и сам убедился. Скажу тебе по секрету – сам так делать стал.

Ты, Анюта, на зимовьях-то бывала? Девчонкой, говоришь, перед войной? У отца? Тогдашние-то избушки с нынешними ты не ровняй. Сейчас сруб четыре на пять, да с тамбуром, сени для дров и мелочевки разной, столик у окна, топчан к печи поближе. А главное – в зимовье ведь шкурки со зверя снимаешь, обрабатываешь их, обезжириваешь – какая тут чистота? А у Эриха – форменная чистота, теплота, хоть какой на улице мороз. И собаки тут же, мяса ждут, сил набираются.

А он чинно так тапочки одевает, когда зимовье прогреется, фартук свой чистый. Тряпочки, чтоб мездру обезжиривать, все беленькие, отстиранные. Ну прямо хирург! Порядок, сама знаешь, прежде всего любил.

Ну и меня зависть взяла - как ладно у него все, продумано. Да главно-то - чисто, как у хорошей хозяйки в избе по субботам. Вот как у моей Тамары. Или у тебя.

Не поверишь, – он и кофе умудрялся готовить. Корни одуванчика как-то обжаривал, разбивал в ступке – да и заваривал. Вот ведь что удумал! Эрих, так ведь? Про твои колбаски из зайчатины да сохатины я уж и говорить не буду.

Дай закусить, Анюта. Что-то захотелось. Ну да бог с тобой – надоел, так надоел. Ты момент-то понимаешь какой? С человеком, мужем твоим законным разговариваю. Прощаюсь, прости господи.

Вот это другое дело! Так я еще выпью. Да не сердись ты попусту.

Да, так я, Анюта, все до собак не дойду, до Мары и Рахваса. Он с ними десять сезонов охотился. Лайки как лайки, а звал он их по-своему, поди, по-эстонски. Так в тот сезон, опять же на Новый год, нас опять на вертолетах сюда свезли с угодий. Собак кто с собой привозил, кто так оставлял. Тушек белок да соболей накидаешь – собаки и дожидаются хозяина, а то и сами промышляют. Зимовье опять же оберегают от всяких случайностей, шатунов всяких, таких вот прощелыг, что избушки мои сожгли.

Эрих тогда, как встретились, сказал, что плохо, когда Рождество черное наступило, без снега то есть. У них ведь Рождество раньше нашего. Я и пошутил, что до нашего Рождества снег еще выпадет. Осерчал он тогда на мою шутку, сказал, что по их приметам черное Рождество и год черный сулит. Весомо так сказал, со значением. Видно, предчувствовал недоброе.

А оно и случилось! Обрато забрасывали его в тайгу, охотвед Володька Минский полетел с ним. Он и рассказал.

Подлетели к зимовью, подходят, а их Мара и Рахвас не встречают. Они к избушке, а там и увидели останки от собак. Стаей, видно было, волки набросились - кости да куски шкуры. Он Мару и Рахваса узнал всё ж таки. Наизусть ведь знал каждую их шерстинку, столько охот с ними прошел, в каких переделках с ними выжил!

Вот тебе и еще один удар по сердцу твоему, Эрих. Что за охотник без собак, да еще таких, как у тебя? Они же, знаю, не только зверя помогали добывать. Они ж тебя от смерти спасли.

Анюта, а слышала ты историю ту?

А я тебе расскажу. Так вот, гнался он за соболем, а начале сезона это было, лед еще не установился как следует, а мороз уже ударил нешуточный. И на Поное Эрих провалился под лед. Выбраться-то выбрался, и лыжи, камусом²³ подбитые, сбросить сумел. А уж вечерело, мороз под сорок, а до зимовья ближнего километров десять.

Што вот ты сделала бы, а? Вот и я охотник, а такого бы не придумал, как он. Ремешками, как мог, собак связал под передние лапы, подмышками собачьими, и на себя взгромоздил. Мару спереди повесил, Рахваса - на спину. А собачий мех, сама знаешь, одно только, что от мороза в таком деле помочь может. А собаки его слушаются, не вырываются. Чуюли, видно, что это один способ хозяина спасти, легкие его уберечь, да от смерти спасти. Ноги-то у него в чулках из шкуры, хоть мокрые, да на ходу согрелись. Говорил, тяжело поначалу было, да согрелся быстро. Вот так Мара и Рахвас спасли жизнь ему.

А он, получается, бросил их на растерзание. Вот и заела его совесть, новая рана на сердце получилась. А может, и места для раны на сердце его уже не было. Ведь его, лучшего из здешних охотников, за год до этого на пенсию спровадили. Нет, охоты не лишили, а заставили нештатным стать. Дескать, молодым надо место в штате уступать. Да было бы кому, Анюта!

Ладно, я ушел из охотников. То к сыновьям в гости съезжу, то с внуками здесь летом повожусь - все ж развлечение.

А у Эриха смысл жизни один оставался - охота! Он мне так говорил. Тяжелая это работа, а все одно - радостная. Хоть и трудно уже ему давалась. Все на ноги жаловался - тяжелеют, мол. А это не ноги тяжелели, это сердце слабело. Я так думаю. Надорванное оно у него было.

В вертолете, так думаю, когда подлетали к зимовью, вспомнил, поди, жизнь свою, судьбу свою обделенную. Тут сердце

²³ Камусы — куски шкуры с ног оленя, зайца, песца и пр. Используются для подбивки лыж, изготовления и украшения меховой обуви, рукавиц и одежды.

твое и не выдержало. Всех обид да испытаний не выдержало. Да еще, как подумашь, вдали от родной земли-то.

Мы-то здесь, в Сибири, Эрих, всё ж таки дома. Вот как деревья в тайге, когда гроза случается или ветер ураганный налетает. Кажется, вот-вот рухнем разом, стонем под ударами судьбы, клонимся донизу, а не падаем. Вот остановится, вроде, ветер, и мы, облегчение почуяв, сызнова распрямляемся. А потом снова нас прижимает головой до земли. А все ж выпрямляемся. Потому как вместе друг за дружку стоим! Корнями за землю свою держимся, вот и не сломит нас ничто.

А ты, Эрих, – жалко мне тебя - хоть и крепким был, да поодаль стоял от родной земли то есть. Трудно тебе было, хоть и любил ты тайгу, всю нашу природу, да к людям нашим уважительно относился.

Понимал я тебя. Очень понимал. Помочь только мало сумел, уж прости ты меня. Вот как поставлю себя на твое место, чтобы жить где-то, да чтоб косились на тебя власти, вроде как осуждали - а такое, Эрих, было у немногих, – нет, не смог бы я такое пережить. Я тебя понимал да растолковать все это не мог. Прости, если можешь.

Ну вот, Анюта, и поговорил я с другом своим Эрихом. Стаканы-то убери, а то Тамара моя царица придет за мной, стыдить начнет, бессовестным назовет. Горе, скажет, у Анны, поплакать ей надо наедине с Эрихом.

А мы вместе и поплакали с тобой. Гляди, платок-то мой весь мокрый.

Вроде, как прохудились глаза. Уж и забыл, когда так-то вот... А - полегчало.

Не об Эрихе, похоже, мы с тобой, Анюта, плакали, не его, кажись, жалели. А себе сердце сжимали, о себе, получается плакали, о своей жизни.

Так, Анюта? Ну, пошел я.

ПОДРУГИ, или ЖЕНА ОЛИГАРХА

До Рождества оставалось два дня. Погода, неделю до того металась из крайности в крайность: то морозом схватит высыпавший, только что, обильный снег, то дождём польёт своё пушистое творение, то мохнатой рукавичкой очистит небо, заставляя сиять жёлтое с оранжевым отливом солнце, то внезапно, снова посылает с небес невесомые снежинки – искры нежданной радости, падающие с голубого неба, запутывая в знаниях небесной кухни жителей подмосковного Высоцка.

Но, вот погода наконец уgomонилась, словно решила прислушаться к тому, что должно было произойти на небесах в ближайшее время.

Воздух смёрзся и затвердел, стал звонким от хруста снега под шагами озябших прохожих. Лишь местами на тротуарах посвечивали линзы голубоватого льда, оставшиеся после несуразного дождя неделей ранее. Воздух стал сух и труден для дыхания, но совсем не так, как в удивившем её Норильске, отметила про себя Алина, выйдя из корпуса больницы.

Вспоминая своё двухдневное пребывание с мужем в этом запредельном, как она его назвала, городе, Алина передёрнулась, словно снова пережила тот ужас, который обуял её всю, когда она сделала всего несколько шагов из тёплого лендровера до искрящегося миллионом лампочек подъезда ночного клуба. Мороз, именно жесткий мороз, а не просто холод, бесстыдно облапал её снизу, и не спасла дорогушая шуба, которую Григорий уговорил её купить на Тверской перед отлётом в Норильск.

– А что ты хочешь, минус пятьдесят да ветер десять метров, – шепнул ей Григорий, почувствовав, как её передёрнуло от наглого мороза. Муж обнял её за плечи и коротко хохотнул.

Его выдох в воздух был похож на пых паровоза, который Алина помнила с давних детских лет, когда родители впервые повезли её из Сороково до станции Высоцка, где на дальних путях выбрасывал пар толчками старенький паровозик. Со станции они электричкой поехали на московскую Ёлку в Колонный зал.

Билет этот достался её родителям от директора совхоза, которого знали в Москве и старались его задобрить, потому что из Сороково везли добротные сельхозпродукты «определённого

ассортимента» в столовые – от Госплана рядом с Колонным залом, до бывшей гостиницы «Боярский двор» на Старой площади и в Кремль.

Алина прошла через проходную больницы, приостановилась и оглянулась на длиннющий корпус, в одной из палат которого осталась её мать, прощаясь с ней, Алина слышала мелодию Свиридова к пушкинской «Метели». Будь она ходячей, стояла бы сейчас у окна и провожала взглядом свою ненаглядную дочь. Как раньше, дома до этого приезда в Москву, то есть в Высоцк.

Теперь, окно было пустым и только голубовато светилось, словно соперничая с соседними окнами и такого же цвета небом, украшенным, оранжевыми завихрениями двух длинных облаков, чем-то напоминающими те, с картины Кента «Весенняя лихорадка». Эта иллюстрация из большого журнала висела над столом в комнатке Алины.

Огромная копия любимой картины украшала зал в их с Григорием особняке в заграничной столице.

Сейчас ей было не холодно в той самой, той длинной шубе, десять лет назад купленной на Тверской.

На всякие встречи и важные рауты она одевала что покороче, поудобней, подороже, а то и под цвет машины или наряда, но эту сберегала для тех случаев, когда приходилось выключаться из жизни и ритма Григория, будучи побыть не приложением к нему, а вполне самостоятельной, от него не зависящей.

Только дышать она старалась в уголок придерживаемого края воротника. И сапоги не скользили даже тогда, когда она ступала по голубоватым линзам льда. Спасибо Григорию, стоял на поисках вот такой подошвы в громадном Грэйтшузе, который Алина полюбила с первых дней их жизни за границей, – он был недалеко от «Савоя», где они жили до того, как переехали в особняк.

Он знал, что её не отговорить от этой поездки, когда позвонил отец и сказал, что матери врачи настаивают делать операцию и хотят её госпитализировать. Как не уговорить её мать приехать сюда, за границу, и оперироваться здесь. Григорий знал и то, что Алина ни за что не согласится воспользоваться в России услугами его надёжных друзей – в смысле спец-

больницы, машины и прочих удобств, полагающихся близким человека такого уровня.

Алина просто представить себе не могла, как она приедет к отцу в навороченной машине к панельной пятиэтажке в Сороково. Ей было достаточно воспоминаний о том дне, когда к их дому прибыл караван из трёх несусветных для их двора машин. Сначала из двух крайних высыпали с десятков каких-то вроде как испуганных крепких парней – они много оглядывались и напоминали людей, снимающихся в фильме про шпионов. А потом очень обыденно выпрыгнул из средней машины её будущий муж. Изо всех окон стали выглядывать люди – что случилось?

А ничего не случилось – так Григорий приехал к её родителям свататься, просить руку и сердце их дочери-красавицы. Тогда, в первый его приезд в их двухкомнатную квартиру в пятиэтажке, горстка которых перетянула на себя центр Сороково, и теперь настоящее Сороково называли «старое Сороково», а остановку около этих железобетонных коробок стали именовать «новые дома». В тот приезд Григорий увидел в её комнате иллюстрацию к «Весенней лихорадке», запомнил, и новую картину в их особняк они купили вот эту. Или её копию?

Остановка автобуса до Сороково была недалеко от проходной больницы. Вечерело, неспешно текли праздничные посленовогодние предрождественские дни, и людей на улицах было совсем немного.

Алине понравился мужичок в ладной дублёнке и таких же валенках цвета, точно подобранного к сероватой пушистой шапке и шарфу. Он был с девочкой лет семи, одежда которой была добротной и недешёвой. Они обсуждали представление, на котором только что были, и в правой руке девочки был увесистый пёстрый подарок, которым она то и дело норовила задеть деда, а он всё уворачивался.

– Дед, ну дед, – упрашивала она, чтобы зацепить его.

У скамейки притихла женщина в возрасте. Она была неподвижна, и только всматривалась, ища нужный ей номер подъезжавших троллейбусов и автобусов. Время от времени она поводила плечами под тёмным пальто с шалевым воротником, переступая ногами в стареньких сапогах: стоптанных, сморщенных, но начищенных до блеска. Под яркой шерстяной

шалю, виднелся ещё и пуховый платок белого цвета, такого же, как и варезки, которые выглядывали из-под рукавов.

На остановке толкались парочки: матерившиеся через слово парни и подхихикивающие им девчонки возраста старшеклассниц или пэтэушниц с тортом, пакетами, и какой-то длинной коробкой и банками пива в руках..

Учащиеся колледжа, поправила себя Алина, и по их репликам поняла, что не парочки это вовсе. Собрались ребята на вечеринку.

Она уж было пожалела, что не согласилась для таких поездок брать машину у кого-нибудь из друзей Григория, но когда представила, как после её звонка из Москвы сюда, в Высоцк, будет мчаться пустой джип, потом, из Сороково, поедет обратно, она утвердилась в решении никого не обременять своим пребыванием в родных местах.

Автобус до Сороково подошёл, полупустой, но сесть было некуда. Отдав кондуктору двадцать четыре рубля, Алина пробежалась взглядом по лицам пассажиров, знакомых не увидела и обрадовалась: в автобусе, номер которого ей всегда нравился – он был кратным её любимой цифре «6», не попадутся те, кого знала она и кто в Сороково знал её.

Далеко не со всеми ей хотелось здороваться, приторно улыбаться, расшифровывать их осуждающие взгляды, что она не коснулась лица никаким макияжем, даже ресницы и губы были нетронуты.

А шуба? Шуба – ерунда, когда утром она приехала в райцентр, то встретила нескольких дам в таких одеяниях, словно им надо было лететь в Магадан или на Чукотку и ходить, ходить по замёршим улицам целыми днями. Если бы в таких шубах жёны местных олигархов появились в том городе, где они жили с Григорием, их непременно встретила бы демонстрация «зелёных», которые очень злятся на обладательниц одежды из шкур редкостных животных. Хотя там в таких нарядах по улицам не ходят, а надевают по случаям.

Она стала глядеть в окно, подёрнутое ледяными узорами. Узор ненадолго поддался её дыханию и снова затянул стекло лёгким муаром. В нём в свете фар проезжавших машин мигали рекламы заведений, среди которых были – игорные дома и ночные казино..

Григорий два раза возил Алину в такие заведения. Ей там не понравилось. Одеваться и готовиться к поездке надо было долго и тщательно, но там было скучно: ни продуманность её нарядов, ни её вычурная красота, ни тонкие манеры не были нужны никому. Кроме, конечно, Григория, но и он, захваченный игрой, оставлял её, как часто бывало, наедине с собой.

Напитки и музыка, как и липкие взгляды разгорячённых азартом мужчин, пустота сопровождавших их дам ей тоже не нравилась. И на третий раз она спокойно и твёрдо сказала Григорию, что играть больше не поедет.

Когда автобус вырвался за Высоцк, небо совсем посинело, посылая холодный свой свет на небрежно набросанный снег на ветвях елей. Алина, оглянувшись на сидящих пассажиров, вдруг увидела лицо, которое, как она помнила – это была мать её одноклассницы, Маши. То ли от нахлынувшего одиночества, то ли от переживаний за мать и за детей, оставленных где-то далеко, она сделала несколько шагов в сторону женщины и поздоровалась с ней (стыд-то какой, забыла как зовут – почти десять лет не видела). На неё взглянула и Маша, сидевшая спиной к Алине.

– Ой, здравствуйте, – она сначала кивнула женщине, чьё имя-отчество начисто забыла. Потом, рассмотрев Машу, ещё больше обрадовалась.

– Ты спиной ко мне, я и не признала сразу, а лицо мамы твоей вспомнилось, сначала её узнала, – скороговоркой, словно оправдываясь, выпалила она. – С Новым годом вас. Из гостей?

– Привет, Алина. Ты из больницы? Я слышала, маму положили на операцию? А мы поразвлечься в райцентре хотели, но холодно. Так, посидели в кафе. Рита на верблюде прокатилась. Да, дочь?

Рита смутилась – в её возрасте уже неловко было кататься на животных.

– А почему в нашу больницу положили? – Маша поразила лицу Алины без макияжа. – Муж-то, поди, мог бы устроить тещу и лучше?

«Мог-то мог, да не стал», – хотела таким же тоном ответить Алина, но у неё не было желания объяснять, почему они с Григорием сошлись во мнении, что маму лучше определить в областную больницу, которая удобно размещалась в Высоцке.

Построили её в своё время по той причине, что городок, центр района, был напичкан такими заводами, что заболевших из-за них работников сподручнее было не возить далеко, а определять на лечение тут же, по месту работы и жительства. Оборудование и всякую технику сюда поставили сразу после того, как ею укомплектовали «кремлёвку» – об этом Григорий точно узнал.

Здоровье работающих, конечно, было во вторую очередь. Первостепенная важность была в продукции этих заводов, соответственно, нормальное здоровье должно было быть у тех, кто её выпускал. К тому же в «кремлёвке» мало ли что могли сделать с тещей не кого-нибудь, а прощрафившегося мужа Алины, злостью на которого исходили и власти, и, соответственно, все газеты.

Чем он прощтрафился, Алина и правда, не знала, а муж не говорил. Она помнила те дни, когда одно появление Григория, который ещё не был её мужем, на любой тусовке немедленно освещалось в обзорах светской жизни.

На одной из таких вечеринок её представил Григорию первый её муж, знаменитый киношник, имевший маленький недостаток – избыточный возраст и вес.

Одного взгляда Григория, которого сопровождала его тогдашняя жена, на изящную супружницу седовласового сценариста, было достаточно, чтобы он, имевший не только особое чутьё на способы зарабатывания денег и воздействия на власть имущих, сказал себе, что вскоре Алина будут сопровождать его, Григория, а не одутловатого киношника, у которого Алина, между прочим, была уже шестой по счёту.

– Ты меня хочешь выкупить у Р.М-ча? – почти не меняя выражения лица, спросила она за фужером красного вина – то ли в шутку, то ли вполне серьёзно. «А я не продамсья» – сказала она, как отрезала. И легко, движением ангела, поправила неудачно сморщившийся отворот водолазки на шее Григория, отметив про себя высокое качество шерсти.

Такой прямоты и категоричности из уст женщины Григорию слышать никогда не доводилось, и его задумка была окончательно закреплена этой её фразой и невесомым жестом заботливой женщины.

Алине было стыдно перед родителями, когда она вышла замуж «в Москву», фактически не получив их благословения. Их не успокоили частые её появления на экране телевизора, хорошая жизнь и рассказы о том, с кем из знаменитостей она познакомилась на очередном рауте. Звонила она из Москвы часто, но не всегда заставляла родителей дома, хотя прекрасно понимала, что они иногда не хотели брать трубку. Вроде как нет дома, вышли куда-то, но она-то знала: куда им ходить-то в Сороково?

Григорий ей понравился запредельной энергией и целеустремлённостью, которая так и сквозила в его поведении, жестах, отражалась в таких же стремительных, но мягких по выражению глазах. Ей порой становилось не по себе, когда она понимала, как глубоко и сильно мыслит Григорий.

У Золя в её любимой «Жервезе» был кузнец Буже – «невыносимо совершенный Буже», и она знала, что это написано про Григория.

– Приедешь свататься к родителям – я подумаю, – почти согласилась она, полностью уверенная, что до такого Григорий, конечно, опускаться не станет.

Чтобы он приехал в Сороково, увидел её родной дом, прошагал по ступеням шесть пролётов в затхлом и тёмном подъезде, позвонил в квартиру родителей, увидел их неказистое жильё, и всё это – ради того, чтобы хоть ненадолго быть рядом с ней? Скорее, станет действовать с олигархическим нахрапом, и Алина стала ждать.

Григорий настоял на разводе Алины с древневозрастным (по его же словам) мужем, который так и не появился в Сороково за время их совместной жизни. Лишь милостиво давал водителя, чтобы отвезти Алину навестить родителей по важным праздникам.

К тому времени Григорий уже был разведён со второй женой, которая, как он объяснил Алине, как и первая, была вампиром по многим параметрам – и денежным, и всяким другим. Григорий снял двухкомнатную квартиру, всё устроил – даже определили день свадьбы – и исчез. Пропал, сославшись на кое-какие дела.

Пропал не вообще – он просто перестал принадлежать ей. Она смирила свою ревность к его работе, потому что по вечерам в новостях она чуть ли не каждый день видела его, едва успева-

ла следить за его поездками по стране. И не только по репортажам телевидения, но и по его звонкам – то с Кавказа, то из Прибалтики, то из Средней и Дальней Азии, то из Европы – и ближней, и той, которая на полуостровах и островах.

Неизвестно, какими силами ей удалось удержать себя от предположения, которое холодило её сердце: а если нет? Хотя, несмотря на отсутствие Григория, ей регулярно доставляли охапки цветов в их квартиру, за ней настойчиво присматривали какие-то крепыши, как догадывалась Алина, по поручению Григория. Он оставил ей возможность пользоваться служебной машиной, водителем которой была миловидная женщина, разрешал ей ходить в театры и на концерты, и она, если решалась куда-нибудь пойти, всегда становилась обладательницей билетов на лучшие места, и соседями оказывались важные люди с женами.

Ходить на спектакли она перестала после того, как какая-то жена министра шепнула ей: «А ваш-то Григорий скачет по Европе как блоха, и по телевизору каждый шаг показывают, он по своим делам или государственным?» «Блохи по государственным делам не скачут», – хотела отрезать Алина, но вместо этого улыбнулась и ответила уклончиво и невнятно. И взглядом дала понять соседке, что больше разговаривать с ней не намерена – ни сейчас, ни впрямь.

А если нет? А если нет? А если нет? – она долго не могла избавиться от этого перестукивания слов в голове, до самого приезда Григория.

Она испытывала скорее не позор, но больше всего – стыд перед родителями. Во второй раз они, лелеявшие свою красавицу и умницу сызмальства, такого её шага, её второго предательства не вынесли бы.

Она знала, как трудно они переживают слишком уж самостоятельные шаги своей любимицы. Выбор ею театрального училища они одобрили, и то, что она не поступила с первого раза, приняли с пониманием и пережили с достоинством.

Но когда она стала чуть ли не каждую неделю ездить на спектакли и возвращалась очень поздно (это из Москвы-то с вечернего спектакля!), родители стали роптать. Не помогали её уверения, что ездит она с подругами, а то и просто со знакомыми из соседних с Сороково сёл.

А то и ночевать стала у своих подруг, с которыми познакомилась на вступительных экзаменах. А у подруг ли? Роились у родителей подозрения, но дочери своей они доверяли, старались не оскорблять её плохими мыслями и готовы были даже обрадоваться, когда она сообщила о знакомстве с Р. М-чем, но обомлели, когда в очередной раз, вернувшись из города, она объявила, что Р. М-ч сделал ей предложение.

«Это сам Р. М-ч!», – вскрикивала она с восклицанием на их вопросы, и перечисляла названия десятков картин, которые сделаны по его сценариям. Родители, конечно, понимали, что Р. М-ч до склона своих лет не был одиноким и не всю жизнь ждал их любимую Алину.

После пяти браков (а сколько «не браков»? – с ужасом предполагали родители) их Алина ему была нужна как предмет для вдохновения, как красивенький экспонат в его квартиру-музей. Но дочь была настырной, как всегда, и они набрались терпения и готовы были ждать несколько лет, пока не образуется у Алины другая семья, хорошо бы, с более молодым мужем, и тогда они будут ждать внука. Или внучку.

Может, от этих переживаний родители стали сдавать. Сначала слёг отец, правда, вскоре вышел из госпиталя и стал пить разные лекарства. Мама мучилась гипертонией, доставали её и сосуды и суставы.

– У неё головокружение, – рассказывала Алина Маше и её матери про свою. – Полежала два дня, ей легче стало, она обрадовалась, резко вскочила, а ноги не твёрдые. Вот и упала. Да головой ударилась, сотрясение добавила. Операцию отодвинули. Уж как я её ругала: мама, ну поосторожней надо. Сейчас уже лучше, лучше, – убеждала она их и не столько их, сколько себя.

– Она с кем-то в палате? – спросила подруга.

– Да нет, в одноместной. Заплатила... Сейчас только плати – всё можно.

Собеседницы согласно кивнули.

– А Паша как, где сейчас работает? Знаю, после армии в милицию пошёл... Рита, как у папы-то дела? – Алина через секунду поняла, что не должна была задавать этот вопрос – какая-то неуловимая тень пробежала по лицу Маши, и оно стало серым, а глаза Риты уткнулись в пол.

– А у нас папа погиб. В Чечне, – произнесла Маша и оборотилась к Алине. – Слышала, наверно, как наши расстреляли наших, приняли их за боевиков?

Алина вспомнила, как кипел Григорий, когда три года назад узнал из «Новостей», как командированные из какой-то области милиционеры шквальным огнём уничтожили отряд таких же бойцов, как они сами, но посланных из Подмосковья.

– Григорий, успокойся, тебе-то что за дело, что там делается?

– Там же ребята и из твоего Высоцкого района были! Нет, ты представь: в своих стрелять! Что, каменный век? Связи нет? Опять кто-то чудил...

Полностью смысл слов «расстрелянные» – дошёл до Алины только сейчас. Какой ужас! Если б она знала, позвонила бы Маше, хоть как-то успокоить подругу... Хотя... хотя она вряд ли позвонила бы, так как не отреагировала на давнишнее приглашение Паши и Маши на свадьбу.

– Прости, я не знала, – скоро проговорила Алина, и внутри у неё всё сжалось – и от неловкости за отказ приехать на свадьбу, и от воспоминаний о черноволосом и голубоглазом Павле. Он учился в параллельном классе, пытался когда-то объяснить Алине в любви, она его жёстко отшила – это случилось после неудачного поступления в училище, – и уже перед уходом в армию он стал гулять с Машей.

Автобус свернул с прямого шоссе, петлял по соседним с Сороково селениям, где не только выходили, но и садились новые пассажиры, чтобы к вечеру попасть или в гости или домой. «А я не в гости – домой?» – печально подумала Алина и совсем загрустила.

Молчали и её попутчицы, только изредка кивая знакомым.

– Может, на Рождество к нам придёшь? Рита поиграет на пианино, я тебе фотографии покажу, у нас коньяк хороший есть, а? – Маша задала этот вопрос не потому, что хотела видеть её в гостях, а, как почувствовала Алина, с возможным вглядыванием в будущее: может, дочери помогут, растёт талантливая и красивая, в отца. А жизнь не угадаешь, как сложится.

– Ой, не знаю, – честно призналась Алина. – Спасибо, но папа приболел, одного оставлять не могу, за маму переживаю, и

сердце не на месте – как там Григорий справляется с ребятишками-то? Испорчу вам праздник...

Конечно, за Григория и мальчишек что ей было переживать? – там всё отлажено, они уже из Рима вернулись, – летали на Рождество и Новый год. А здесь Рождество только наступает, а до Нового года вон ещё сколько.

Из автобуса вышли вместе. Приостановились, чтобы попрощаться. Алина притянула к себе Риту, прислонилась губами к её щеке и почувствовала разницу между этим прикосновением и поцелуем в щёчки своих сыновей.

«Девочку, надо девочку», – мелькнуло у неё в голове.

Две женщины и подросток пошли домой вдоль шоссе, а Алина перешла дорогу и направилась к своему дому.

Небо было совсем темным, густо синим. Вызвездило, но тропку к пятиэтажке освещал не беспомощный свет звёзд, а ровное свечение от серпа высоко стоящей Луны, фонаря на остановке да света окон её дома.

Юрьевка. 6-7 января 2006 г.

ЖИТЬ ОХОТА!

Воспоминание

Оно меня мучило много лет – с давнего памятного душевного июльского дня 19.. года, когда я уехал из дымного города на природу. Я пытался уже однажды отделаться от него, излив на бумаге, но оно стало более навязчивым, мешающим – наверно, именно потому, что я хотел от него отделаться, отправить в самостоятельную жизнь и тем самым облегчить свою память. Но воспоминание это снова и снова не давало мне покоя, насильно поворачивало мои мысли, моё состояние к себе, словно брало меня за грудки и всё требовало и требовало иного к себе отношения.

Тогда, впервые стремясь освободиться от него, я начал было писать рассказ-быль. Попытался что-то поправить в давнем воспоминании, домыслить ситуации, сгладить пусть правдивые,

но, как мне казалось, излишне драматические коллизии, излишне жестокие детали и сцены. У меня, юного и устремлённого куда-то вперёд, в голове не оставалось места для тёмных, тяжёлых, беспокойных мыслей.

Удалось мне это плохо, и я понял, что бесполезно (может, до поры до времени?) досочинять к истории что-то придуманное. Драгоценный камень хорош в оправе. Но и без неё он остаётся не менее ценным. А тем более не потерпит приклеивания к себе других кристалликов, какими красивыми бы они ни были.

Итак, вернёмся в тот жаркий день.

Народу в воскресной электричке, шедшей утром из города в восточном направлении, было, что называется, битком. За городом – множество участков, как сейчас бы сказали, дач и дачек, да и молодёжь, работающая на заводах, за день устремлялась в родные деревушки и на родные станции в родные свои дома.

За город я ехал один. Ни на какую дачу, ни к кому в гости. Ехал на своё любимое место отдыха, на станцию Таёжная. Как ни удивлялась моя мама моим этим поездкам, она всегда с вечера укладывала в рюкзачок всё, что мне могло понадобиться среди тайги. Оставалось сунуть в рюкзак блокнот, ручку или карандаш, да во внешний карман рюкзака определить обмотанный тряпицей топорик, оставив выглядывать только топориче. Утром она меня будила, обязательно наказывала мне всякие предостережения и выходила проводить за калитку дома на окраине города.

Улицы в Первомайском посёлке ещё спали. Рубашка холодила кожу, раннее солнце словно подталкивало меня в спину и уже пыталось согреть ткань и волосы на затылке. У платформы уже топталось немало будущих попутчиков, а электричка из города подходила и вовсе полная разговорами, шутками, песнями, рюкзаками, сумками. Шипя, хлюпали двери вагонов, и народ из города мчал на природу.

День только начинался, и хотя в окна вагонов пока ещё лился прохладный воздух, уже по тому, как голубо светилось небо, как раннее солнце уже сейчас грело кожу, можно было предсказать дневной зной.

Где-то за Маганском до платформы Шушун (по названию речушки) в вагонах становилось просторно, а станция Сорокино

и вовсе высасывала из электрички большинство ехавшего люда. Следующей – была Таёжная.

Уж не знаю, из чего исходили те, кто строил Транссиб, когда давали имена станциям и полустанкам. По всей Сибири вдоль путей каждую станцию можно назвать таёжной; ан нет, название закрепилось вот за этой только остановкой.

Народу здесь сходило немного и ещё меньше оставалось в вагонах. Мне предстояло обогнуть бугор у самой щебёночной насыпи – на нём взгромоздилось здание вокзальчика и магазин – идти вправо от путей, тоже в гору. Вагон я выбрал не очень удачно, и меня опережали пары, группы людей с рюкзаками и кошелками. Дорога утягивалась в гору вдоль по улочке пристанционных домиков. Жизнь в них уже давно шла своим порядком: кто-то ладил крышу. Кто-то помогал возиться с мотоциклом, мальчишки затевали свои игры; кудахтали куры, хрумкали свиньи, ковыряя ещё покрытую росой траву под заплатами, а собаки нехотя приподнимали головы вслед проходящим горожанам.

Поросшая травой улочка сразу за селением превратилась и вовсе в тропку, уходившую вверх по склону. Слева раскинулось поле, справа надвигался лес. Пахло вольным воздухом, и лёгкие благодарно распрямляясь, задышали в полную силу.

Я обогнал всех приехавших, и только слегка согнутая спина в выгоревшей рубахе всё маячила впереди. На плече старика мерно покачивались две тямки, аккуратно обернутые тряпицей. Шагал он широко, вольготно, не осматриваясь, взглядом сосредоточился на тропе, тягуном забиравшей всё вверх и вверх.

Меня разобрал мой возраст, и, как ни колотилось моё сердце от подъёма и радостных предвкушений предстоящего свидания с тайгой, я сумел обойти старика по траве и снова зашагал по тропе. Краем глаза я увидел лицо соперника, наклонённое к тропе: бисеринки пота на продубленной и загоревшей коже лба – картуз у него каким-то чудом держался на затылке.

– Поди, и костёр разводить собираешься... – расслышал я за спиной молодежавый голос.

Я понял, что он увидел топориче в кармане рюкзака.

– ...Раз топор-то с собой, – закончил он фразу.

Я уже знал эту дорогу – с час надо было идти по единственной этой тропе, и попутчик мне вовсе не помешал бы. Я обернулся к нему.

– А разве нельзя? – отвечая, приостановился, пока он поравнялся со мной. Он приблизился и, глянув на меня, добавил:

– Одно дело – если на ночь, если шалашик смастерить. А так, обыдёвкой – какой резон в топоре?

Я что-то буркнул ему в ответ, он уступил мне полтропы, и мы зашагали рядом, некоторое время не говоря ни слова.

– А вы, наверно, картошку окучивать?

Он кивнул в ответ.

Вот тропа стала поровнее, и сразу же начался сосновый лес. То ли от подъёма, то ли от того, что здесь было повыше или потому, что день набирал силу, но под соснами было уже совсем тепло и даже душно – от густого смольного аромата, крепкого настоя лесного разнотравья.

Мы продолжали идти молча. Наконец мой попутчик смахнул свободной рукой пот со лба, провёл у подбородка, вскинул глаза на сосны и сказал:

– Тайга, – она вроде всюду одинаковая. Но вот как получается, – этот смольный дух мне сразу Тасеево напоминает.

Сердце моё скакнуло: дед был моим земляком!

– Вы оттуда?

– Из самого Тасеева. А почему спрашиваешь?

– Я тоже. Родился там. А вы давно оттуда уехали?

– После войны. В сорок девятом. Сын устроился здесь работать, ну и нас со старухой забрал.

– А я родился после войны. В город отец перевёз нас за год, как Сталин умер... А где вы там жили?

– На Ёрче.

– А я с Пашенной.

– Знаю. Главная улица. Она – «Будённого» называлась. Он то ли в тридцатом, то ли позже со своей конницей был у нас. Вроде как коллективизации помогали. Помню!

Мы смолкли, гордые славной историей своего села.

Где-то в те же дни краевые газеты вспоминали о нашем селе, о партизанской республике, об окончательном разгроме войск Колчака - отмечалась какая-то годовщина тех событий. Не вспомнить об этом я не мог.

– В газетах о Кайтымском бое пишут. Говорят, колчаковских солдат там переколотили...

– Помню. В то время пацаном был, а отец и старший брат в партизанах воевали. А я при них, но по малолетству Яковенко официально меня в отряд не брал. Это ещё до боя на Кайтыме. А уж потом и меня взяли в партизаны.

Я снова взглянул на его лицо, наклонённое к тропе, и погружённое в те давние дни. Про Яковенко я не хотел напоминать первым, подумалось: «Уж не сочиняет ли попутчик про Кайтымский бой?»

– Жара стояла вот такая же. На Кайтыме-то. А бой был – я тебе скажу! Хоть всего-то по старости и не упомяну.

Он замолчал, а подталкивать его мне было неловко. Я понимал, что у него перед глазами сейчас проносится многое из того, что пережилось в те жаркие дни. Боялся я одного – он спрячется за общими словами о героизме и трагизме того времени. Про то, что я ненасытно читал в немногих книжках. К примеру, Яковенко «Записки партизана», несколько других публикаций. Но оставалось ощущение недосказанности, недоговорённости, излишней гладкости в оценке тех событий: Колчак - партизаны - борьба - Победа! Мне не доставало главного: свидетельства человека, который всё видел сам. А уж поразмышлять над выводами мне хотелось самому.

– А какой-нибудь случай не припомните? Времени много прошло, понимаю. Но самое-самое – что запомнилось?

Я поразился собственной дерзости. Попутчик мог бы отмахнуться и замкнуться. Кто я ему, чтобы из сердца самое сокровенное вынимать?

Отвечать он не торопился.

А потом, как на одном дыхании, с краткими перерывами, он поведал мне то, что на много лет затаил в глубине души. Может, и никогда не открывал никому. Уж так то, чему он стал свидетелем, отличалось от всего, что публиковалось, рассказывалось официально, что он благоразумно запрятал, затерял в своей памяти среди других событий. И вот решился.

– После того, как колчаковцы Тасеево наше спалили - во второй или в третий раз - не упомяну, - погнали они партизан в тайгу. Уходили мы - я уже со взрослыми был - по Кайтымской дороге. Дикая она была, таёжная, вела на Усть-Кайтым и даль-

ше, на Троицкие солеваренные заводы. Ездили по ней, главное дело, зимой, когда болота да речушки промерзали. А летом даже вот в такую сушь, грязь была несусветная, не для езды. Деревья-то там громадные, земля не просыхала.

Ну вот, дошли мы до самой речки-то, Кайтыма. Понабросали напиленных дерев через неё, но переходить не стали, только раненых переправили дальше.

Яковенко командовал и обозом в сотни телег, и команды военные давал. Сказал, что бой у речки держать будем. Там поляна такая громадная перед речкой, берег крутой. Сено, как говаривали, там летом накашивали, а по зиме вывозили. А если проиграем бой колчаковцам, – говорит он нам, – отходить будем по переправе, да и подождём её. А сами, понятно, на Соль-Троицкие заводы.

Злость была, считай, у всех мужиков. Что колчаковцы в Тасеево, да и во всём уезде творили – не рассказать. А тебе не понять. Скот позабিরали, отцов да матерей всех, кто в партизаны ушёл, расстреляли, над девками да бабами изгалялись, сёла и деревни жгли, – старик сплюнул и ненадолго замолчал.

Злость-то у нас была великая, а колчаковцы злее были. Чували свой конец – их под Красноярск уже стиснули, погнали на восток, а они здесь безобразничали напоследок.

Говорил уже, что пацаном я тогда был, лет пятнадцати. Мне и страшно, и деваться некуда: отец-то, да братан вместе, у Яковенки. Ну, и я с ними.

Второй командир был Нижегородов. Он конницей нашей в боях у Тасеевой командовал. А окромя её и рота ещё была специальная, из стариков-охотников. «Серебряная» называлась, в ней все седобородые. Ружья у них свои были, чуть ли не кремневые, што ли. Они у нас для засад были – места тамошние знали получше всех других.

Окопались мы – всё, как положено по военной науке. Ждать стали бандитов этих. Старики у нас в лесу спрятались - сзади ударить, Нижегородов за ними присматривал, чтобы в трудный момент боя помочь.

Про сам бой рассказывать долго - нам дня разговора с тобой по этой тропе не хватит. Да и не помню я всего - не такой уж взрослый был, чтобы понимать всю пальбу-то. И сам стрелял

несколько раз. Но больше боеприпасы разносил да раненых отаскивал.

Кто тогда думал, что бой тот у Кайтыма-реки вспоминать будут почти через сорок-то лет? Просто убивали бандитов, которые безобразничали в тайге. И всё тут, – размышлял он не со мной, а больше с собой.

И продолжил:

– Ну, значит, затихло всё. У них кто живой был да посообразительней, обратно по дороге ударили, на Тасеево. Так старики из «серебряной» роты и тех почти всех положили.

Яковенко наш, хозяйственный мужик был. Он из крепких середняков, умный – слов нет, его даже в Москву потом забрали, уже из Канска, где он в «Советах» работал. Вот он-то и решил трупами тайгу не гадить. Ну не хоронить же таких сволочей! Яковенко-то и сказал, что сжечь надо убитых. И придумал, как.

На другой день стали мы пилить деревья, вроде как заготавливать. Самые длинные распиливали. А вот для чего: надо было слой брёвен наложить, потом трупы бандитские, снова слой брёвен или дров, и, опять убитых. Мужики лес заготавливают, а меня на кухню помощником определили. Послали к Кайтыму за водой. Ну, я к той переправе, которую заготовили, с двумя большими туесками и подался.

Только соскочил с обрыва к воде, как в кустах стон услышал. Струхнул немного, но стон такой жалобный, ровно зверь израненный скулит. Раздвигаю кусты у самой воды - парень раненый лежит. Глаза закрыты, поди, без сознания, а, может, от боли. На нём форма добровольческая, как на многих бандитах: мы-то насмотрелись их! А парень - ну как моего возраста, молодой совсем. Набрал я воды, соображаю, что делать с ним, а он всё стонет. Опять посмотрел я на него - у него ранение было в коленку, вся нога в крови и кость белая торчит. Уж не знаю, как через наши позиции сумел прошмыгнуть. Потом смекнул: наверно, ночью, когда наши шумели и обсуждали дневную битву, он и прополз к речке.

Я – с водой к своим. Яковенке всё сказал: так, мол, и так, доброволец там раненый, на берегу, забылся от ранения. Что делать будем?

Раненый, конечно, не один он оставался раненым. Многие себя прикончили, других мужики на лужайке постреляли. Скажешь – зверство какое, а знать надо да видеть, что они в деревьях творили. Не мы же зверствовать к ним пришли, а они к нам. Ох, что они творили! – попутчик опять сплюнул.

Яковенко посылал ординарца своего, был такой политссылный в этих местах, с Кавказа родом, но опосля революции он так и остался в Тасеево, и ещё партизан двух. Посмотреть, как и што, да и притащить парня-то.

Мы на берег. Нашли. Плещем воды в лицо раненому. Тут-то он глаза и открыл. Мутные такие, больные. Смотрит на нас и говорит:

– Жить, братцы, охота. Жить охота!

Ну, понесли мы его к Яковенке. Кость-то в коленном месте и вовсе раздробленная была, держалась на порванной брючине да на жилах, а сапог волочился по траве, кровью её мочил.

Принесли в шалаш к Яковенке, а раненый снова потерял сознание. Потом очнулся. Яковенко всё расспрашивал: откуда, да как да и почему тут оказался.

Парень был родом из Красноярска, у него там мать с сестрой оставались. Взял его Колчак к себе добровольцем. Яковенке так сказал: Я думал, Россию буду защищать.

Яковенко и спрашивает:

– От кого? От нас, что ли? Так это мы – Россия.

Парнишка так виновато улыбнулся, сквозь боль. Грамотный он-то был, гимназию, что ли закончил, красиво говорил, и всё плакал, когда о мамке вспоминал. Да, поди, и об ошибке своей жалел. За Россию воевать против русского народа! – Спятил он, что ли?

А нам одно: перед нами бандит! Может, издевался над какой девчонкой в деревне, да мало ли што мог ещё творить? Что нам его слёзы? Ну, пока говорили – он всё упрашивал в лазарет его отправить – опять же со слезами, – да пить просил. Не до него – тут убитых сжигать стали.

Дорожка наша уж пошла под уклон, и шагать по тропе из-за выпучившихся корней деревьев стало труднее. Мы то и дело приостанавливались, а попутчик всё продолжал:

– Яковенко так и сказал: – Ну, в лазарет так в лазарет, не сите, дескать, его к врачу.

Двое-то партизан взяли его да понесли от шалаша, а я с ординарцем Яковенко остался.

– Какой-такой лазарет, чего это удумали?

А Яковенко ординарцу говорит:

– А што мы с ним делать будем? Догони и скажи, пусть в костёр бросят – не жилец он.

Побежали мы вдогонку за партизанами, что парнишку-то волочили. Ординарец им на ухо и шепнул про костёр.

Они как шли мимо занявшегося костра – громадная такая груда из стволов и трупов, так и бросили его туда. Неловко, наверно, бросили, доброволец-то скатился с груди и, переворачиваясь с боку на бок, к нашим ногам подкатился.

Лицо повернул, вроде как в небо смотрит. Одежда уж горит на ём, и лицо опалённое. А глаз-то и нету. Лопнули глаза-то, от жары, поди, и, как пуговики, на чём-то висят – по правой щеке и по левой.

Тут мой попутчик приостановился и показал свободной рукой, как свисали лопнувшие глаза.

– Ну вот, подкатился он, – мы даже назад отшагнули.

А он всё шепчет сквозь опалённые губы:

– Жить, братцы, охота, жить охота.

Тут ординарец вытащил саблю, в каком-то бою трофей взял, и с акцентом говорит:

– А, любая, жить хочешь? Вот!

Мой попутчик правой, свободной рукой, показал, как взмахнули саблей.

Разрубил он лежащего у наших ног пацана с плеча до пояса. Трудно это, когда человек лежит – от плеча-то до пояса. Ну, а остатки мы бросили в костёр, но подальше.

А костёр-то занимался страшный, громадный. Дым валил чёрный, вонючий, всё полыхает, потрескивает, – не поднимая лица, рассказывал мой попутчик.

День был, уж говорил, вот как сегодня, – старик поднял лицо к веткам сосен, сошедшимся над тропой, и глянул сквозь них в безоблачное небо, словно обращаясь к небесам и прося у Всевышнего прощения за тогдашнюю историю, свидетелем и участником которой он невольно стал.

Душный был день.

Старик вдохнул полной грудью сосновый воздух, испытав, как мне показалось, облегчение от того, что избавился от давнишнего воспоминания, разделил его со мной и, наверно, ему полегчало.

Я молчал. Бесхитростно рассказанная им история о моём сверстнике из тех лет и сверстнике старика в те годы, сплела нас навсегда неведомой силой. Надо ли говорить ещё что-то?

Вскоре нам с попутчиком надо было расходиться каждому по своей тропке – ему на картофельное поле, влево, мне дальше вправо, мимо нескольких домиков безымянного селения, расположившегося в низинке, туда, подальше, на знакомую только мне стоянку среди ельника.

Я ещё что-то расспрашивал старика, он отвечал, где работает. Я достал блокнотик и даже записал его фамилию. Не знаю, правильно ли он назвался, не проверить – блокнот затерялся, а в памяти имя это не удержалось.

Помню лишь тот жаркий день, густой запах сосновой смолы и неторопливые слова своего земляка и попутчика с Таёжной станции.

Москва - Юрьевка. 1993.

МАКСИМ ПЕРФИЛЬЕВ

Максим Николаевич родился в 1984 году. Учится в Педагогическом Университете на физфаке. С 2001 года занимается музыкой. Три года играл на ударных инструментах в рок-группе, после чего решил попробовать себя в качестве композитора. На данный момент выпускает сольный альбом. С того же 2001 года танцует брейк-данс. Так же много лет рисует graffiti. Является глубоко религиозным человеком, однако в некоторой степени признает философию панк-культуры (ровно на столько, насколько позволяет вера). В любом творчестве уважает оригинальность идей и независимость мышления.

ФАНАТИЧНАЯ ИДЕЯ

– До чего люди стали развращенными. Им дарована воля, и каждый из них использует ее, как возможность угождения своим желаниям. Они не слушают даже себе подобных и не исполняют даже свои собственные законы. Наверное, это была не очень хорошая идея – создавать их. Одних ангелов уже хватает.

– Да, судя по всему, Ты прав. Но ведь есть же среди них еще отдельные представители, которые до сих пор помнят Наше имя и стараются испытывать хоть какое-то благоговение, когда смотрят вверх.

– Не знаю. Их слишком мало. Да и они не до конца понимают, насколько сильно значат для Нас. А остальные вообще просто плюют в Нашу сторону.

– Они не понимают даже силу.

– Да они вообще мало что понимают.

– Да они, собственно говоря, и не стремятся что-то понимать.

– Н-да уж.

– А знаете, у меня в голове возникла одна идея. Но она слишком радикальная. И, думаю, немного фанатичная. Интересно, стоят эти люди того или нет?..

– Стоят чего?

– Э-э-э... Как бы это сказать-то.
– Ну, говори, надо же хоть что-то делать.
– В общем, Кому-то из Нас придется спуститься туда... и...
хм... стать одним из них.
– Что?
– Что-о-о?!
– Попробовать пожить в их мире. Понять их. Столкнуться с теми же проблемами, с которыми они сталкиваются. Испытать ту же... боль. Почувствовать то, что чувствуют они. Так Мы лучше узнаем людей.
– А чисто практически, как это повлияет на их сознание?
– Это будет доказательством любви. Ведь что-то же хорошее в них еще осталось... где-то... глубоко внутри... вроде... вчера было... вон у того, с длинным носом.
– Думаешь, их это впечатлит?
– Ну, смотря насколько сильной и показательной будет Наша боль.
– Ты хоть представляешь, насколько сильной она должна быть?
– Ну, Я еще точно не подсчитывал.
– Интересно, как громко и нечеловечески должен визжать от боли пастух перед своим стадом, чтобы хоть один баран подошел и попытался его утешить или, скажем, наложить повязку на рану, или... хе-хе... отбить его у голодного волка? А?
– Спуститься в этот гадюшник?
– Позволить человеку ударить себя или оскорбить?
– Подчиняться его законам?
– Убирать за домашними животными?
– Болеть гриппом?
– Учиться геометрии?
– Ходить в туалет?
– Бороться с Самим Собой?..
– И все это ради людей?
– Да, идея действительно достаточно радикальная и немного фанатичная.
– А если они не поймут?
– Они и так не поймут.
– Но ведь кто-то же... все равно... должен. Хотя бы некоторые. Хотя бы один.

– Ладно, что для Тебя дороже всего?
– Э-э-э... Вы.
– Какая для Тебя может быть самая сильная боль?
– Э-э-э... Сам подумай.
– Ну, хорошо. Насколько расстанемся?

– Гипо! Гипо! Гипо! – раздавались яростные оглушительные крики по всему Колизею, до отказа заполненному блестящими жаждущими крови глазами и кистями рук, размахивающими настолько синхронно, что подобной слаженности могли бы позавидовать даже чемпионы Олимпийских игр. Тысячи голосов неустанно кричали имя гладиатора, находящегося внизу и ожидавшего своей кровавой битвы. Стояла невероятная духота, воняло потом, «курильной травой» и перегаром. Металлические потолки задерживали спертый воздух, не позволяя ему подняться выше и обрести долгожданную свободу в безграничной атмосфере. Вентиляция, проведенная в стенах, явно не справлялась со своей нагрузкой, равно как и высокие решетчатые ограждения, отделявшие зрителей от выступающих. Света, испускаемого несколькими факелами, вполне бы хватило для того, чтобы различить фигуры дерущихся на арене рабов, а блестящие латы и мечи должны были придавать действиям больше видимости, тем более, что неплохо отсвечивал белый холодный мраморный пол, залитый и пропитанный кровью. Человеку с нормальной психикой подобное место показалось бы очень мрачным и шумным. Но такие сюда не приходят, а для маньяков, жаждущих зрелища отрубленных конечностей, выколотых глаз и вытащенных наружу внутренних органов, обстановка вполне удовлетворяющая требованиям.

– Гипо! Гипо! Гипо! – продолжала скандировать толпа.

Гипо стоял неподвижно, гордо держа в руках меч, и испепеляюще смотрел на жреца, находившегося напротив него на расстоянии пятнадцати шагов.

– Ну, что ж, раб, ты решил обрести свободу – желание похвальное, – обратился он к сверкающему глазами бойцу. – Но ты знаешь правила. Ты не можешь уйти отсюда без своей последней битвы.

– Да, я знаю, – ответил гладиатор, высоко держа голову и не изменив дерзкого взгляда.

– Это будет непростая схватка. Тебе придется собрать всю свою волю и остаток сил, чтобы одержать победу. И, что самое интересное, каким бы мастерством и опытом ты не обладал, его всегда будет недостаточно, чтобы гарантировать поражение врага и предрешить исход битвы. Потому что твой враг – ты сам.

– Я готов. Приступим? – глаза Гипо заблестели еще сильнее и наполнились яростью. Толпа взревела и заколотила по металлической решетке, продолжая активнее поддерживать своего любимца.

– Они уважают тебя, – заметил жрец. – Приступим, – И вытянул вперед свой посох, обладающий невероятной магической силой.

Зрители замерли и в ожидании уставились на гладиатора. Тот, сохранявший до этого времени абсолютную неподвижность своего тела, начал медленно раскачиваться взад-вперед, постепенно набирая все большую амплитуду. Его резко передернуло от боли, но сильные мускулистые ноги удержали тело в вертикальном положении, хотя и с трудом. Лицо Гипо искажилось, он вытянулся вверх и отстранил назад выпрямленные руки, высоко задрал голову и громко взвыл. Из его туловища через плечи и голову вышло нечто прозрачное и аморфное, плавно переливаясь струей на землю, как жидкость. На мгновение оно приняло форму лужи, но быстро восстановилось и выросло в полный рост в трех шагах от гладиатора. Напротив Гипо стоял человек, абсолютно ничем не отличавшийся от него. Те же жилистые руки и ноги, голова, лицо, волосы, та же одежда с надетыми поверх нее латами, те же глаза, дерзко смотрящие на своего противника.

– Ну, что, какому из Гипо вы теперь будете восклицать и аплодировать? – Насмешливо выкрикнул жрец. Толпа разразилась хохотом и забила по решетке. – Чтобы было понятно, мы дадим новому Гипо отличительное оружие. – Уже серьезно объявил он и удалился через выход, до этого запертый изнутри в манеже Колизея.

Двойнику поднесли ярко красный изогнутый волнистой линией меч, и представление началось.

Первым ударил близнец. Гипо парировал. Последовал еще удар – Гипо отбил и его. Дальше – удар за ударом. В течение

некоторого времени гладиатор только защищался, отбиваясь своим мечом или уклоняясь в сторону. Он понимал, насколько серьезен его противник и старался разузнать тактику врага, а уже потом сформировать свою. Он не хотел лезть на рожон и старался сохранять хладнокровие. Двойник провел серию ударов, которые были отбиты, а затем сам был атакован. Мечи одного человека, разделенного невидимой силой, сомкнулись, лица оказались достаточно близко, бойцы замерли на миг в одинаковой позе. Мышцы сражающихся сильно напряглись.

– Неплохой приемчик, но я его знаю, – облизывая языком губы, прошептал близнец.

Гипо оттолкнул его и отошел назад в недоумении. Они знали друг друга настолько хорошо, как только человек может знать свою собственную душу. Они пользовались одной и той же тактикой, наученные в одной и той же школе, их силы и мастерство были абсолютно равны. Дальше не было смысла присматриваться. “Пора действовать”, – подумал гладиатор и пошел в атаку. Началась ожесточенная схватка. Пролилась первая кровь. Последовали сокрушающие удары и с той, и с другой стороны. Постепенно копилась злость. Сохранять хладнокровие становилось с каждой секундой всё сложнее. Бойцы дрались беспощадно, поражая публику эффектными приемами.

Толпа ревела и наслаждалась зрелищем, приходя во все больший восторг. Основная часть до сих пор поддерживала Гипо, постоянно скандируя его имя и взрываясь всякий раз, когда он наносил серьезный, а еще лучше – красивый удар. Это была достаточно интересная и беспроегрешная, с точки зрения коммерции, битва. Но время шло, и оба участника начинали постепенно уставать. Раны ныли все сильнее и, кроме того, постоянно появлялись новые. Помещение заполнилось еще одним запахом – запахом крови, которая была повсюду: на мраморном полу, на решетке, на факелах, на самих зрителях. Гипо проигрывал. Его тело разрывалось и болело абсолютно все, каждая его часть. Он понимал, что выдохся сильнее. Он хотел... чтобы все закончилось.

– Сдавайся, Гипо! – начал выкрикивать кто-то из толпы и его поддержали.

– Да, сдавайся. Ты не сможешь одолеть его.

– Это бессмысленно.

– Тебя ждет покой, горячая ванна и любящая жена. Не трать зря силы.

– Ты же устал!

Да, он действительно устал и очень сильно. Он пропускал удар за ударом. Раны кровоточили. Тело дрожало от боли, он чувствовал, как его нервы натянуты.

– Нет, Гипо. Ты можешь сделать это, – послышался голос.

– Да, ты почти победил его. Главное, не сдавайся.

– Не сдавайся!

Снова началось громкое провозглашение имени гладиатора.

– Это же свобода! Она стоит того!

– Зачем она тебе нужна? Разве тебе здесь плохо? – возразил кто-то.

– Да, ты думаешь, Там будет лучше?

– Там свои проблемы. Это твой дом. Тут твои друзья. Это твой мир.

Гипо начинал сильно сомневаться в правильности своего решения и думал всерьез о том, чтобы изменить его.

– Это рабство! – прокричал один из зрителей и его голос был до боли знаком. – Вырвись отсюда. Ты можешь летать, как я. Ты же помнишь!

Да, он действительно помнил, но начинал постепенно забывать. Боль и усталость притупляли память. Он вспомнил содержимое трапезы, которую преподносили сегодня, в этот день недели, в это время. Он вспомнил развлекательные программы, которые должны были состояться вечером, вспомнил свою кровать. Он валился с ног, продолжая чувствовать постоянные удары. Он уже сидел на одном колене и кое-как отбивался.

– Сдавайся, Гипо. Мы же не враги. Ты борешься с самим собой. Это глупо, – еле дыша, прохрипел его близнец. Он тоже устал и был сильно истощен. – За что ты сражаешься? Это ведь не агрессия. Мы оба умрем.

Гладиатор посмотрел уставшими глазами на своего двойника и испытал к нему неподдельную жалость, такую же, какую испытывал к себе. Его охватило чувство бессмысленности всего происходящего.

– Я сдаюсь, – еле слышно проговорил он, и, выронив из рук меч, сам повалился на холодный, залитый кровью мрамор.

– Вот и славно. Мы с тобой подружимся, – добавил его соперник и тоже упал без движения. Через мгновение он вернулся в Гипо тем же способом, которым и вышел из него.

Заскрипела железная дверь, из которой показался жрец.

– Я же предупреждал тебя, насколько это сложно. Пустая трата времени, – заговорил он, обращая внимание на лежащее ничком, тяжело дышащее, окровавленное тело. – Оставайся рабом. Тебе так будет проще, – затем он обратился к своим слугам. – Унесите его и окажите необходимую медицинскую помощь. Кто-нибудь еще желает свободы? Алкалезар, – позвал жрец.

На арену вышел молодой гладиатор, волоча за собой меч, который у него был в правой руке.

– Ты тоже хотел сегодня сразиться. Ты подтверждаешь свое желание?

Алкалезар стоял недвижимо на арене, его глаза смотрели куда-то в сторону и отнюдь не горели яростью и ожиданием предстоящей битвы, по крайней мере, сейчас уже не горели.

– Ты можешь обрести свободу, – вполне серьезно и без иронии заявил жрец.

– Вы придумали очень удобные для себя правила, – произнес гладиатор сквозь зубы. – Кто может победить самого себя? Это бессмысленно. Это глупо. Это невозможно, – он посмотрел на духовного лидера, обвел глазами публику и бросил свой меч.

– Тогда позвольте сделать еще одну заявку, – прозвучал незнакомый голос. Все оглянулись и увидели на арене молодого воина с длинными светлыми волосами в доспехах и с мечом. Он стоял у одного из входов, и его глаза горели той же безрассудностью и готовностью драться, что и у Гипо... когда-то.

– Что ж, хорошо, – улыбнулся жрец. – Как твое имя?

– Оно слишком чудесное, чтобы его называть, – ответил незнакомец.

Жрец только пожал плечами и снова ухмыльнулся. Затем он проделал ту же процедуру по раздвоению, что и с Гипо – довольно привычную для него – и направился к ходу, но на мгновение остановился и, повернувшись, заглянул в глаза нового добровольца. Что-то было в них такое знакомое и родное, но сейчас они смотрели враждебно и блестели огнем войны.

Началась битва.

Два длинноволосых воина сражались между собой на арене Колизея. Одного из них отличал красный меч с волнистой заточкой и еще более дикий и яростный взгляд. Они оба сразу же перешли на отчаянную атаку. Звучал лязг стали, в полумраке сверкали искры, брызгала кровь. Толпа сидела тихо, не поддерживая ни того, ни другого. Собственно говоря, никто и не знал имени, чтобы кричать его. Хотя многие догадывались.

Догадывались, но не сообщали о своих предпочтениях. Кто-то здесь действительно понимал, что происходит, но все сидели с одинаково замершим сердцем, если не от тревоги, то, по крайней мере, от недоумения.

Наблюдал за дракой и Алкалезар, причем довольно внимательно. Ни воин, ни его копия не отличались внушительными размерами или большим весом, но этот незнакомец явно обладал огромным мастерством. Его отчаяние в победе превосходило отчаяние загнанного, голодного волка, его удары были сокрушительны, и сам он получал такие же по силе.

Два тела летали по арене из стороны в сторону, отскакивая от металлической решетки, крики и боевой клич, издаваемые ими, заглушали рев толпы. Этот человек сражался, как будто бы от исхода битвы зависела не только его свобода. Его противник не желал уступать. Алкалезар видел это. Он не мог поверить, что сейчас некто одержит победу над самим собой. Но незнакомец начинал проигрывать. Он быстро выдохся, как, впрочем, и его соперник, и сильно истекал кровью. Надежды отказавшегося от сражения молодого бойца рушились.

– Сдайся! – яростно прошипел близнец.

– Размечтался, – так же яростно прохрипел воин.

Двойник нанес сокрушающий удар. Незнакомец повалился на одно колено и вскрикнул от боли. Преодолевая с большим трудом слабость и шок, он успел вонзить свой меч в тело противника. Тот хотел закричать, но не смог – перехватило дыхание, но кое-как устоял на ногах, он нанес еще один сильнейший удар. Брызнула кровь. Оба замерли, каждый в своей позе, и прекратили драку.

– Сдавайся, – приглушенно прорычал близнец, оборвавшись на последнем слого. Он все еще возвышался над своим соперником и находился в преимущественном положении. Незнакомец почти лежал на полу. Собрав последние остатки своих

сил, он резко прыгнул, повернулся вокруг оси и с криком отсек своему двойнику голову. Она отлетела в сторону и ударилась о железное ограждение, обрызгав кровью часть зрителей. Победитель, не устояв, повалился на холодный мрамор.

– Только не сегодня, – почти шепотом произнес он, уже на полу.

В воздухе повисла продолжительная пауза. Алкалезар не верил тому, что видит, он увидел это впервые. На его глазах начинали выступать слезы.

– Что ж, – голос жреца прервал тишину, сейчас он звучал, как лязг металла. – Он победил. Он свободен. Унесите Его.

Реакции зрителей не последовало. Все сидели молча, и никто ничего не говорил. Алкалезар взял свой меч и вышел. Он был потрясен. Он был отчасти счастлив. Он был озлоблен на себя за то, что не стал драться. Ему стало обидно за Гипо. “Надо будет сказать ему. Пускай попробует еще раз”, – подумал молодой боец. Его чувства перемешались. Мысли роились в голове, противоречия друг другу.

– Надо найти этого человека, – с этими словами гладиатор выбежал из Колизея.

На улице шел дождь. Уже был вечер.

Алкалезар направился к лекарю, находившемуся специально неподалеку от строения, чтобы оказывать первую медицинскую помощь. Дверь в его дом была заперта. Он постучался несколько раз, но никто не открыл, не было слышно никаких признаков движения внутри.

– В чем дело? – недоумевающе произнес боец.

– Ты не найдешь Его здесь, – прозвучал чей-то голос.

Алкалезар обернулся и увидел перед собой высокого светлого длинноволосого молодого человека в просторных одеждах.

– Они не будут оказывать ему помощь, – произнес тот.

– Но почему?

– Это неправильно с Их точки зрения. Он не совсем Человек.

Гладиатор непонимающе смотрел на своего неизвестно откуда взявшегося собеседника.

– А Кто Он?

– Ты скоро поймешь.

– А кто ты?

– Ты хочешь найти Его? – поинтересовался молодой человек, совершенно игнорируя возникший к нему интерес.

– Да, – последовал ответ.

– Тогда иди туда, – Алкалезару указали на извивающуюся вдаль небольшую дорогу, размытую дождем.

– Но как я найду?...

Длинноволосый молодой человек внезапно исчез.

Так ничего и не понявший, боец поплелся по лужам в направлении, которое ему задали. С неба лилась вода, было темно и немного прохладно. В руках у него был меч, а в сердце огромное желание встретится с Тем странным Незнакомцем.

Дорога шла в гору, точнее, вела на небольшой холм. Местами было немного скользко. Гладиатор постепенно увеличивал шаг и прибавлял ходу. Сверкнула молния, на вершине холма показалось очертание какого-то креста, подобного тем, на которых распинали разбойников.

– Что за?.. – Алкалезар поднялся на вершину и подошел к кресту. На нем висел израненный, истекающий кровью, еле живой Человек. И он узнал Этого Человека.

– Как они успели принести Его и распять? Я ведь... – боец мало что понимал, но то, что при всех, сложившихся обстоятельствах, данный вопрос глупый, – это до него доходило. – Зачем они вообще сделали это? – прокричал он в пустоту.

Гладиатор оглядывался по сторонам. Никого не было ни на холме, ни где-либо поблизости. Не было воинов, не было близких.

– Надо Его снять, – пришла в голову мысль. – Пока никто не видит, надо снять. – Алкалезар начал взглядом искать какой-нибудь большой камень или деревянную подставку, или лестницу, на что можно было бы встать.

– Не надо, – прозвучал сдавленный голос.

Алкалезар поднял глаза на крест и встретился взглядом с распятым Победителем.

– Посмотри на Меня, человек, – хрипло произнес Он. – Я стал таким же, как ты. Я испытал такую же боль. Я дрался. Я понимаю ваш мир. Я знаю вашу жизнь. Ты сказал, что невозможно победить самого себя. Ты сказал – это бессмысленно. Но ты хотя бы попытайся, – тяжелая речь оборвалась на какое-то мгновение. – И скажи Гипо, чтобы он снова бросил вызов. Он

сможет. Я верю – он сможет, – ожесточенный, как будто бы еще борющийся с чем-то, стон вознесся вверх к Небу. – До встречи, мой друг. Сейчас мне предстоит испытать одиночество. И знаешь, Я боюсь его.

Сверкнула молния, и безжизненное тело коряво повисло на гвоздях.

Шел дождь, слегка дул прохладный ветер, наступила глубокая ночь. Алкалезар стоял перед крестом и смотрел на свисающего с него Человека. Он знал, что еще когда-нибудь встретит Его и сможет задать множество вопросов. Но что-то он понимал уже сейчас. Молодой гладиатор поднял с земли свой меч и направился к Колизею. Он больше не хотел быть рабом.

На сверкающей приятного оттенка немного прозрачной поверхности стоял Некто в длинных просторных одеждах. Его лицо сияло, а глаза горели триумфом. Легкая улыбка выражала чувство неподдельного удовлетворения и превосходства. На запястьях рук были раны от гвоздей.

– Я дома, – произнес Он.

– С возвращением. – Его встречали Двое. Они стояли в нескольких шагах, не производя никаких движений, и просто смотрели.

– Мы уж думали, Тебе там понравилось, – усмехнулся Один.

– Ага, Я уже начал входить во вкус.

– Если хочешь, можно повторить.

Трое сблизились и сильно обняли Друг Друга.

– Давайте лучше посмотрим, что там творится, – заметил Кто-то.

– Я оставил там двенадцать.

– Н-да, Я вижу, вон они идут.

– Точно, и навстречу им еще кто-то плетется.

– Что они собираются делать?

– Неужели будут рассказывать?

– Ну, судя по выражению лица вон того лысого, парню просто не жить.

– Ага, похоже, у них очень серьезные намерения.

– Все, они рассказывают.

– Думаешь, поверит?

- Да Вы хоть знаете, кто им попался? Это же маньяк.
- У него на счету десятки убийств. Он просто перережет Моих последователей.
- Что-то Я начинаю беспокоиться за этих двенадцать. Может помочь?
- Подожди, вроде...
- Да.
- Это невозможно.
- Смотри, он... он верит.
- Да, он верит.
- Он верит в Тебя.
- Я... не могу поверить, что он верит в Меня!
- Я тоже.
- Наступила пауза.
- А...а-а-а, что это у Тебя такое прозрачное и жидкое из глаз сыпется... э-э, то есть, капает?
- Ты знаешь... это слезы.

Примечание: автор не считает для себя нужным вдаваться в исторические подробности по вопросу структуры древнеримского Колизея. Собственно говоря, о Римской Империи речи и не идет.

ДРУГОЙ МИР

– Осторожно. Постарайтесь ничего не разбить. Так, хорошо, это зеркало поставьте, пожалуйста, вон к той стене. Несите его аккуратно, этот кусок стекла стоит огромных денег. – Отдавая распоряжения здоровенным потным волосатым грузчикам, молодой человек, хозяин огромного дома, одетый в очень дорогой костюм, важно ходил по комнате и старательно обдумывал план перестановки мебели. Пристально следя за любым движением носильщиков, он понимал, что в случае чего, вряд ли у этих людей будут деньги на возмещение ущерба за какую-либо испорченную вещь.

– Что ты так переживаешь за этот антиквариат? – послышалось с небольшой усмешкой где-то в другом конце огромной комнаты, и чьи-то каблук начали быстро стучать по паркету,

заявляя о своем приближении. Молодой человек оглянулся и увидел своего старого близкого друга.

– Не хочу разорять компанию, которая наняла этих людей, – улыбнулся он и протянул руку своему приятелю.

– Здорово.

– Привет.

– Решил изменить интерьер?

– Точно. Пошли, я тебе кое-что покажу.

– Что, еще одна реликвия?

– Ага, но какая!

Молодые люди подошли к стене, у которой стояло нечто большое и плоское. Хозяин сдернул тонкое белое покрывало и, указав рукой, воскликнул.

– Смотри!

Перед глазами открылось старинное круглое, с человеческий рост зеркало с невероятно изящным обрамлением из потемневшего серебра, смешанного с золотом, с довольно специфическим рельефом и изображением различного рода мифических существ несколько устрашающего вида, облепляющим края необыкновенно чистого гладкого стекла. Эта вещь была необыкновенно красива, но в то же время наводила легкий ужас и казалась немного странной, будто обладающей некой магической силой, пробуждая совершенно немыслимые фантазии. Внизу виднелась какая-то надпись, выскобленная каллиграфическим почерком с острыми линиями.

– Интересно, – покачал головой друг. – Очень необычное зеркало. Впервые такое вижу.

– Я знал, что тебе понравится.

– Я не сказал, что оно мне нравится. Я сказал, что оно очень необычное.

Хозяин с улыбкой посмотрел на своего приятеля и покачал головой.

– Где ты его достал?

– Только вчера купил. У одного ненормального старика коллекционера. Он с огромной радостью продал мне его за гораздо меньшую цену, чем оно того стоит. Хотя и эти деньги мне не показались маленькими. Он сказал, что это не простое зеркало... Он его боится и не хочет держать у себя дома. Ну, знаешь, старческий маразм и все такое.

– Да уж. Тут есть от чего сойти с ума. А что там написано внизу? – друг наклонился и принялся читать красивую, выскобленную на золотой табличке, надпись. – *“Связь между мирами. Помогите тому, кто несчастнее тебя”*. – Что это значит?

– Не знаю, – пожал плечами юноша.

Наступила небольшая пауза.

– Ну ладно, – подытожил гость. – Поздравляю с покупкой. Мне надо идти, у меня встреча. – Друзья крепко пожали друг другу руки. – Еще увидимся.

– Конечно.

– Жизнь прекрасна.

– Жизнь прекрасна.

Молодой человек сидел на лакированном паркетном полу и, попивая красное вино, разглядывал приобретенное им дорогое и очень необычное, с точки зрения искусства, зеркало. Он любовался отблесками света, отражающимися от его поверхности, и радовался столь удачной покупке. Был вечер, и только разожженный в камине огонь слабо освещал просторную комнату, заставленную различным антиквариатом. В основном все вещи были куплены либо на аукционе, либо у незадачливых, находящихся на грани разорения, коллекционеров. Молодой человек поднял бокал и принялся разглядывать налитое в нем игристое вино. Он был очень богат. Настолько богат, что такое может присниться только во сне.

Он жил в огромном двухэтажном особняке, построенном на собственной земле с водоемом и лесом. Он ездил на дорогих автомобилях. Обедал в ресторанах. Носил элегантную одежду. Он был молод и здоров. У него было много друзей и очень красивая девушка, которую он любил. У него было даже любимое дело. Он был счастлив.

Задумываясь над смыслом жизни, он все чаще приходил к выводу, что смысл именно его жизни только в том, чтобы просто жить и наслаждаться каждым мгновением. Если кто-то говорил, что счастье не в деньгах, а большое богатство опустошает душу, то это было точно не про него. Он не понимал, как можно утверждать подобные глупости и считал, что это просто попытка оправдать свою несостоятельность. У него не было же-

лания изменить этот мир или сделать что-нибудь великое. Возможно, он был эгоистом, но что в этом плохого?

Он поставил бокал на пол, обнял колени и устался на свою новую покупку. Неожиданно в зеркале начало происходить что-то необычное. Кристально чистое стекло вдруг засветилось и как будто начало плавиться. Юноша вздрогнул и оглянулся. Сзади находились окна – наверное, проехала машина. Но откуда она на его территории? Может, пожаловал кто-то из друзей? Хозяин снова посмотрел на зеркало и начал приподниматься, но застыл от удивления – стекло, несколько секунд назад сохраняющее в себе отражение предметов, превратилось в жидкость. Вдобавок ко всему, оно не стекало вниз, а просто плескалось, если можно так выразиться, в вертикальном положении. Мифические существа, представленные в обрамлении, вдруг ожили и начали двигаться. В комнате послышались голоса.

Молодой человек закричал от ужаса и попятился назад. Он наткнулся на деревянный стул, упал на пол, быстро поднялся, снова попятился, а затем уперся в тяжелый письменный стол. Его тело трясло, колени дрожали, а челюсть непрерывно дергалась. В этот момент голоса стали еще сильнее, и теперь было отчетливо слышно, откуда они идут – они шли из зеркала. Оттуда же – из плещущейся нестекаемой жидкости – высунулись чьи-то пальцы. Они тянулись наружу, и скоро показалась целая рука.

– По-мо-ги-и-и, – тяжело прохрипело что-то.

Молодой человек закрыл глаза и завизжал от страха. Неожиданно дверь в комнату с грохотом распахнулась и показались темные фигуры.

– Хозяин! – это были охранники.

Молодой человек продолжал кричать и импульсивно дергал рукой в сторону зеркала. Прибежала прислуга. Включили свет.

– Хозяин, что случилось?

– В чем дело?

Юноша посмотрел на зеркало... Оно было в порядке. Еще секунду назад оттуда высовывалась рука, а теперь там ничего не было, кроме отражения комнаты.

– Что случилось? Здесь кто-то есть? – закричал один из охранников, размахивая оружием и оглядываясь по сторонам.

– Надо обыскать дом, – заметил другой.
Молодой человек пришел в себя и с ужасом смотрел на людей, находящихся рядом с ним, и на зеркало.
– Вра-ча, – тихо произнес он.

– Ну, что я могу сказать, голубчик. Лучше бы вам лечь в больницу, конечно. Галлюцинации – это дело серьезное. Нужно обследоваться.

Юноша лежал на диване и смотрел в потолок. Он находился в полной прострации и, отрешенный от действительности, больше уделял сейчас внимания своим мыслям, нежели тому, что происходит вокруг него. Он находился в состоянии шока, но не потерял способности здраво мыслить. Рядом сидел психиатр, вызванный на дом, и что-то записывал себе в тетрадку. По комнате ходил друг, приехавший сразу же после телефонного звонка домохозяйки.

– Вы слышали, что я сказал? – спросил доктор, выдержав паузу.

– А, да, – как во сне, произнес молодой человек. – Нет, нет, я никуда не поеду.

– Но все может оказаться гораздо серьезнее.

– Я понимаю, но... Н-нет, – немного заторможено отвечал хозяин дома.

– Хорошо. Как хотите. Но я вас предупредил. Примите успокоительное и ложитесь спать.

Доктор ушел, а друг сел на его место и, пристально посмотрев, спросил:

– Может, мне остаться у тебя дома сегодня?

– Нет, не нужно. Можешь ехать, – ответил молодой человек.

– Ты уверен?

– Да. Понимаешь, это не было просто галлюцинацией. Это было реально. Кто-то просил о помощи.

– Так говорят все, – ответил друг, смотря ему прямо в глаза.

– Тебе все же лучше было бы лечь в больницу.

Молодой человек отрицательно покачал головой.

– Может, ты просто устал. Тебе нужно поспать.

– Нет, – вскочил юноша. – Я знаю, что надо сделать. Нужно поговорить с этим стариком.

– Хорошо, – согласился друг. – Завтра поедem к нему.
– Нет, едем прямо сейчас.
– Ты с ума сошел. Сейчас же ночь.
– Ну и что. Поедем сейчас.
– Тебе нужно выспаться. Это не очень хорошая идея.
– Я еду сейчас! – выпалил хозяин дома и выбежал из своей комнаты.

Они сидели втроем в гостиной на мягких удобных креслах и пили чай. Старик был явно недоволен, что к нему явились среди ночи с вопросами, но, тем не менее, согласился принять неожиданных гостей, хотя и ворчал все время, пока открывал двери и пускал в дом.

Комната, в которую он их пригласил, была довольно уютной, просторной, хорошо обставленной, и как каждая комната, сохраняла в себе атмосферу, отражающую характер живущего в ней человека – злой, раздражительный, эгоистичный.

Размешав сахар, старик взял костлявой рукой чашку и откинулся на спинку.

– Я знал, что вы придете, – произнес он, сделав глоток, и выразительно посмотрел на своих гостей. – Это зеркало мне подарил один священник. Он говорил, что я зажрался, стал слишком богатым и разучился помогать людям. Я ответил ему, что никогда и не умел этого делать, – он усмехнулся и продолжил. – Со мной произошло то же, что и с вами: руки, стоны о помощи. Вы читали надпись внизу?

Молодые люди переглянулись и одновременно кивнули головами.

– Отлично, это и есть ответ на ваш вопрос. По словам этого чокнутого священника, зеркало – путь в другой мир, мир страданий и боли. И тот, кто находится по эту сторону, может помочь тем, кто мучается там, в этом другом мире. – Старик сделал еще глоток и поставил чашку на стол.

– И как мы можем помочь? – спросил нынешний владелец зеркала.

– Вытащить эту тварь, кем бы она там ни была.

– И что это за тварь?

Старик пристально посмотрел на своих собеседников.

– Священник говорил, что это обычные люди, такие же, как и мы с вами. Но на самом деле, я не знаю, – наступила небольшая пауза. – Я никогда не помогал всякому первому встречному, тем более такому. После той ночи, когда я увидел это, я закрыл зеркало толстой тканью и больше никогда не открывал. А потом смекнул, что его можно хорошо продать. – Старик ехидно улыбнулся. – И продал. Вам.

Молодой человек посмотрел на своего друга, вздохнул, а затем поинтересовался:

– Почему вы не стали помогать этим...

– А потому что я не обязан, – немного раздраженно ответил старик. – С какой стати я должен вытаскивать из зазеркалья всяких там призраков. Я живу своей жизнью и не собираюсь тратить ее еще на кого-то. И вам не советую. Лучше всего продайте это зеркало подороже, или вообще выбросьте. Но не пытайтесь вернуть его мне. Я его назад не возьму.

На этом разговор со стариком можно было считать законченным.

– Что ты думаешь по поводу всего этого? – спросил молодой человек, находясь на переднем сиденье машины, несущейся рано утром по трассе.

– Мне некогда думать, я за дорогой слежу, – ответил друг.

– Я серьезно.

– А я тоже.

Наступила пауза.

– Вообще, я думаю, у вас у обоих крыша поехала.

– Но ведь не может быть так, чтобы у двоих людей был один и тот же глюк.

– Значит, видимо, может. У вас же один глюк на двоих.

Молодой человек замолчал.

– Нет, так не бывает. Старик прав. Мы не сошли с ума. Это реальность.

– Уж не знаю, где тут реальность, но то, что ближайшие несколько дней я буду ночевать с тобой в одной комнате – это точно.

Следующую ночь юноша действительно провел под пристальным наблюдением своего друга. Они много разговаривали,

шутили, пили дорогое вино, обсуждали дела, бизнес, своих знакомых и, в конце концов, одурманенные алкоголем, заснули прямо в той самой комнате, в которой все произошло накануне. Хозяин дома глубоко сидел в удобном кожаном кресле, положив ноги на придвинутый деревянный стул. Когда голова опустилась на плечо, и мозг отключился, хрустальный бокал с красным вином медленно выпал из расслабленных пальцев.

Вопреки советам старика, друзья не накрыли зеркало, а оставили его стоять в прежнем виде. Через какое-то время это упущение дало о себе знать.

Стекло засветилось, стало жидким, обрамление задвигалось, наружу медленно стали вылезать худые, трясущиеся руки, прося о помощи. Разбуженный нервным прерывистым шепотом, молодой человек приоткрыл глаза и от страха полез вверх на спинку кресла. Он не хотел еще раз увидеть подобную картину и на несколько секунд впал в состояние шока. Наконец, переборов частично свой страх, он медленно опустился и попытался здраво оценить происходящее в комнате.

– Помоги. Помоги, – шептало нечто живое и так напоминающее человеческое. – Помоги-и-и, – просило оно непрерывно.

– Кто... ты? – дрожащим от ужаса голосом ответил хозяин дома.

– Я человек, находящийся по ту сторону этого мира, – хриплым от боли голосом отозвалось существо.

Юноша сглотнул.

– Что все это значит?

– Времени осталось очень мало. Скоро все закончится. Ты должен спасти меня, пока еще это возможно.

– Я... я не понимаю.

– Вы, люди, не знающие боли, живете в другом измерении. Вы далеки от страданий, и не замечаете, что творится вокруг. Вы как будто из другого мира. Здесь все совершенно по-иному.

Наступила небольшая пауза. Немного успокоившись, но все еще опасаясь, хозяин дома приблизился к зеркалу и спросил:

– Где здесь?

– Здесь, в измерении страдающих людей.

– Почему я должен помогать тебе? – разозлился молодой человек.

– Потому что только ты или подобный тебе может сделать это.

– И что же во мне такого особенного?

– Ты – счастлив.

Наступила еще одна пауза. Немного подождя, существо продолжило:

– Я понимаю, тебе страшно. Чужая боль всегда пугает. Но я прошу, помоги мне. Я умоляю, помоги-и-и, – худые, трясущиеся руки сильнее потянулись из зеркала, ожидая соприкосновения. Хозяин дома отстранился назад и заметался на своем кресле. Он попытался принять решение помочь, но не смог и закричал:

– Почему я должен делать это? Убирайся. Отстань от меня.

– Нет. Пожалуйста. Помоги-и-и, – молило существо.

– Убирайся из моей жизни. Я не знаю тебя, – молодой человек вскочил на ноги и, взяв в руки тяжелый подсвечник, замахнулся на зеркало.

– Не-е-ет, – завывало существо.

В этот момент проснулся друг.

– В чем дело? – спросил он, открывая глаза.

Хозяин дома обернулся в его сторону, а когда вновь посмотрел на зеркало, там уже ничего не было, кроме его собственного отражения. Он выронил подсвечник и немного шатаясь, тяжело опустился на кресло.

Юноша не стал ложиться в больницу, но начал принимать лекарства по назначению врача. В основном это были успокоительные препараты, и антидепрессанты, подавляющие активность головного мозга. Доктор посоветовал на время отложить дела и отдохнуть. Возможно, как сказал он, все эти видения были результатом переутомления или нервных перенапряжений на работе.

Бизнесом на несколько недель занялся друг. Зеркало накрыли тканью и убрали в подвал. Его собирались продать за большие деньги или выставить на аукцион, что еще лучше. Выбрасывать такую вещь было бы несколько глупо.

Хозяин очень много спал, играл в гольф, гулял на природе и много общался с друзьями – так же по назначению врача. Его девушка на месяц уехала в другую страну по очень важному де-

лу, поэтому роль сиделки на себя принял все тот же друг, поселившийся на время с молодым человеком в его доме.

Прошло две недели, и постепенно случай со злополучным зеркалом стали забывать. По крайней мере, удалось каким-то образом отвлечься от воспоминаний о нем. Прежний хозяин – ворчливый старик – уехал из города, а тот самый священник, с которого все началось, как оказалось, давно умер, и теперь искать какие-то ответы на возникшие вопросы стало гораздо сложнее, да и не особо хотелось.

В общем, все вроде возвращалось на свои места, и река жизни начинала втекать в прежнее русло. Однако до конца забыть про ту ночь молодой человек все же не смог. Он до сих пор считал все случившееся с ним реальностью, а не банальными галлюцинациями. Просто никому об этом не говорил. Где-то глубоко внутри у него осталось чувство вины за то, что он не оказал помощи в тот момент, когда это требовалось. Да и обычное человеческое любопытство никак не давало покоя.

Как-то глубокой ночью юношу неожиданно разбудил сильный удар в окно спальни. Медленно и лениво приоткрыв глаза на несколько секунд, он собирался уже обратно погрузиться в сладостный сон, как вдруг осознал, что на улице произошло нечто необычное. Он сделал над собой усилие и поднялся с кровати, потирая глаза. Чувство страха постепенно развеивало туманность над разумом и пробуждало мышление.

Молодой человек встал и подошел к окну. Он увидел непонятный след от удара на стекле, как будто бы в него бросили старым пыльным мешком с вещами. След был небольшой.

«Надо бы присмотреться и понаблюдать за происходящим во дворе», – подумал он. После внимательного разглядывания каменной дорожки, ведущей в сад, стало ясно, что наблюдать незачем, однако на подоконнике с уличной стороны он обнаружил несколько перьев. Все стало понятно – просто какая-то бешеная птица налетела на окно спальни.

Юноша успокоился и с чувством облегчения и небольшого негодования на себя, спустился в гостиную выпить виски. По совершенно неясной причине, могущей неожиданно возникнуть только поздно ночью, богатый хозяин дома решил заглянуть в подвал, мимо которого проходил, возвращаясь из туалета.

Преодолев крутую, немного покосившуюся, с какими-то липкими пятнами на ступеньках лестницу, он оказался на грязном деревянном полу из невероятно скрипучих досок.

Зеркало стояло среди кучи всякого ненужного хлама, завернутое в белую, покрытую пылью ткань, оно опиралось на какие-то ящики, по виду напоминающие тару из-под шампанского.

Немного дрожа, молодой человек сдернул простыню и медленно опустился на пол. Он читал внизу *“Связь между мирами. Помогите тому, кто несчастнее тебя”*. Он впервые за две недели начинал понимать эту надпись, действительно отвечающую на все вопросы. Он сидел и ждал, когда что-то начнет происходить.

– Эй, – тихо позвал он. – Ты еще там? Эй.

Зеркало ярко сверкнуло, стекло медленно превратилось в нечто жидкое, но как будто твердое или заледеневшее, и явно не встречающееся в земной природе.

Хозяин дома отпрянул назад, немного испугавшись, но остался сидеть на месте. Какое-то время он тщательно разглядывал жидкую субстанцию и наблюдал за движениями мифических животных, изображенных в обрамлении. Распираемый любопытством, он осторожно протянул руку и кончиками пальцев прикоснулся к неизвестной материи. Это было что-то холодное, очень плотное и немного колющееся, чем-то напоминающее стекловату, но в любом случае, не похожее ни на что в этом мире.

– Эй! – снова позвал он. – Где ты? Я пришел помочь тебе.

На зеркале появились светлые пятна, приподнимавшиеся наружу, и через какое-то время из этой поверхности показались окровавленные пальцы.

Молодой человек вновь отпрянул назад, но затем медленно подался обратно. С широко раскрытыми глазами и с немного отвисшей челюстью он принялся разглядывать тонкие, покрытые ссадинами кисти вылезших рук, по виду ничем не отличающиеся от человеческих.

– По-мо-ги-и-и, – тихо, почти шепотом прозвучало из другого мира.

– Да. Я здесь, – отозвался юноша. – Что я должен сделать?

Вместо ответа наружу по локоть вылезли окровавленные руки, жестом просившие о помощи. Сколько боли хранили в се-

бе они, и какое огромное желание спастись тянуло их из другого мира.

Хозяин дома, немного помедлил и, переступая через собственный страх, вцепился в чужие ладони. Двадцать пальцев сплелись между собой, с силой сжимая друг друга. Двадцать крючков жизни слились воедино, и ничто не могло теперь разорвать их.

– Я вытащу тебя, – закричал молодой человек. – Сейчас я тебя вытащу, – он уперся ногами в пол и рванулся назад.

Раздвигая плотную стекловидную материю, из глубины зеркала вылезали худые израненные предплечья, стремясь как можно скорее вырваться наружу, но в то же время как будто удерживаемые некой неизвестной силой, не желающей расставаться со своей добычей.

– Нет, – неожиданно прозвучало изнутри. Холодные ладони, на минуту согретые человеческим теплом, ослабли. – Ты опоздал. Все кончено.

Окровавленные руки перестали сражаться и безжизненно опустились вниз, поддерживаемые другими, еще теплыми руками.

– Не-е-ет! – закричал юноша, не веря случившемуся. Он с силой потянул на себя эти руки и вытащил из зеркала мертвую девушку с длинными грязными волосами.

Молодой человек попытался привести ее в чувства, но было уже поздно. Ее глаза были открыты, но сердцебиение и дыхание отсутствовало. Все произошло так быстро. И так быстро и нелепо закончилось.

Девушка была похожа на обычного человека, и в чем-то была красива, только теперь уже не была живой.

Проснувшись от крика, друг мигом вылетел из своей комнаты и поставил “на уши” весь дом. Он разбудил охрану и с пистолетом в правой руке спустился в подвал.

Он увидел своего приятеля лежащего на холодном деревянном полу, напротив открытого зеркала, рыдающего и обнидавшему непонятно откуда взявшееся, израненное, одетое в белую простыню, измазанную кровью, мертвое женское тело. Теперь уже оно не нуждалось ни в чьей помощи.

БОРИС ПЕТРУНИН

Борис Фёдорович родился в 1936 г. в Уральске. Закончил МВТУ им. Баумана и аспирантуру по месту работы. Занимался разработкой приборов для ВМФ. Ныне – пенсионер.

Первые публикации – в 2000 г. Регулярно печатается в альманахе "Третье дыхание", антологии "Москва поэтическая". В

"Третьем дыхании" изданы два сборника стихов: "Звёздная метель" и "Заветная стёжка". В 2004г. Выпущена книга стихов "Круговерть", в 2005г. – "Согрейте Землю".

Член МГО Союза писателей России, литобъединения "Новое Переделкино" и литклуба им. Фатьянова.

Часто выступает в школах, ветеранских организациях Москвы и Подмосковья. Лауреат городских конкурсов поэзии и песни. Проживает в Москве.

В любовь кидаясь с головой,
Ломаем все преграды,
Мосты сжигаем за собой,
Отвергнув ретираду...
А ведь случается порой,
Когда "нырнёшь" поглубже,
Узришь корысть и ложь нагой...
В тыл отступить бы нужно...
Но сожжены назад мосты,
Пути нет для отхода...
Живёшь без чувства, без мечты...
Хоть головою в омут!

НЕ БЫВАТЬ РУСИ РАСПЯТОЙ!

Настали времена лихие,
Бушует грозная стихия:
Землетрясения, цунами...
Земля наполнена слезами:
Ведь триста тысяч человек

В миг океан на смерть обрек.
Хоронят сотнями во рвах,
Как в дни блокады ленинградцев...
Да упокоится их прах...
Беда... Куда уж тут деваться?..
Весь Мир "За упокой" поёт,
Сочувствует и помощь шлёт...
Такой беды не ведал свет,
Пожалуй, что, полсотни лет...
Ну, а у нас-то на Руси,
У нас в России что творится?..
Прости, Всевышний, и спаси!
Ведь разум может помутиться:
По миллиону каждый год
Идёт на убыль наш народ!!
Культура гибнет и таланты!..
Исчезнем скоро, как атланты...
А Мир молчит, в набат не бьёт...
Быть может к нам иной подход,
Чем к тем, кто сгинул в катаклизме?
Мол, жили при социализме?
Возможно, мы плодились слишком,
И надо "вычистить" излишки?
Чтоб на Святой Руси остаться
Могло лишь миллионов двадцать?..
Так в прошлом веке подсчитали
И "мудрецы", и Аллен Даллес,
За ними Тетчер повторила...
Об этом много говорили...

Сие, знать, в самом деле было?..
Торчат рога, хоть их прикрыли
Из лжи толстенным колпаком...
Но видно, он сидит на ком!..
Нет! Не бывать Руси распятой!
Ведь мы же евро-азиаты!
Проявим хитрость, ум, сноровку...
Нам не впервой держать винтовку.
В нас – европейская научность

И азиатская живучесть...
Но даже если проиграем,
Уверен я, что погибая,
Сумею взять мы в Мир иной
И победителей с собой.

ПЕРЕЖИВАЮ

(Шутка)

Смотрю, кручинюсь:
Кругом дивчины
В мужских штанах.
А где же юбки?..
Они мне любви.
Увы и ах!
Ну, хоть немножко
Открыли б ножки:
Красиво ведь!..
Стою мечтаю,
Переживаю:
На что смотреть?..
Вернуть бы в ныне
Вновь юбки – мини.

Белоствольные берёзы,
Укрываясь от морозов,
В серебристо – кружевные
Полушалки пуховые,
Нарядили свои косы.
Им нашептывает ветер
О краях, где солнце светит,
Где не ведают морозов...
А берёзы видят грёзы
О весне, грядущем лете,
И становится им жарко
В белоснежных полушалках.
Они кронами качают,
Серебристый пух ссыпая...
Наметёт зима. Не жалко.

МЕЧТА И РЕАЛИИ

Ключом рождённый ручеёк
Искрится серебристо.
Всем жаждущим воды глоток
Он предлагает чистой.
Звенит – мечтает по пути
О чистом и высоком:
Живую влагу донести
В безводный край далёкий...
Не ведаёт ручей о том,
Что рядом, за крутым холмом
Ждут грязные потоки...
Такие вот итоги.

СОЛДАТСКАЯ ШИНЕЛЬ

Ах, солдатская шинель!
Ты и кров, ты и постель,
Обогрев без очага
И кольчужка от врага.
И носилки, коль в бою
Ранят – кровушку прольют...
Ну, а если пуля в лоб,
Ты и саван, ты и гроб.
Ты солдатику одна
На все случаи дана.

К ГОДОВЩИНЕ ТРАГЕДИИ

Дети Беслана...
Горе молчанья.
Рвутся рыдания.
Тяжко на сердце.
Некуда деться.
Нет оправданья...
Воспоминанья –
Солью на раны.

4-5 сентября 2005г.

МОРАЛЬ И МОДА

Разгулялся блудный бес.
Вся мораль пошла под пресс.
Мода ныне столь «легка»:
Обнажаются пока
Девы сверху от пупка
До... до самого лобка...
Это только лишь пока.
То ли ещё будет
От бесовских блудней...
Первобытный зреет стиль.
В общем, полный «оверкиль».

НЕ ЗНАЮ, КАК НАЗВАТЬ?

Свет оранжевых идей
С каждым днём ослабевает.
«Революция» детей
«Кровных» хищно пожирает.
Были громкими слова
О стране и о народе...
Но таилась в головах
Мысль о собственном доходе.
Власть к рукам своим прибрав,
Не смогли остановиться.
У хапуг «отворовав»,
Не сумели поделиться.
Аппетиты возросли:
Каждый хочет куш побольше...
Кто-то метит в «москалии».
Кто-то тяготеет к Польше...
Но сметлив и тот, и тот:
Русь «сжирая» жадным глазом,
От неё задаром ждёт
Больше нефти, больше газа.

НИКОЛАЙ ПЛЕВАКО

Николай Павлович родился в 1921 году в Новороссийске. Дальний родственник знаменитого до революции адвоката Ф.Н. Плевако.

Когда началась война, работал на авиационном заводе в Ростове-на-Дону слесарем-сборщиком и имел «бронь». Тем не менее, ушел добровольцем на фронт. Весной 1943 года получил назначение в часть, командовал пехотными и минометными взводами и ротами. При освобождении Одесской области был ранен, после госпиталя вернулся в родной стрелковый полк, с которым и встретил Победу, пройдя с боями от Северного Донца до Праги. После окончания войны – литсотрудник Пятигорского радио, разъездной корреспондент «Дагестанской правды», собкор ростовской областной газеты, работник Ростовского и Центрального телевидения. Встречался с Михаилом Шолоховым. В то время у писателя не было секретаря, и собкор не раз помогал ему разбирать огромную почту. В 1956 году заочно окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор романов «Полнолуние», «Норд-ост опускает бороду», сборника повестей и рассказов «Похождения московского бомжа», «Авантюры капитана Бочкарева», «Сколько мне жить, кукушка?» и других книг прозы. Член Союза писателей России с 1981 года. Живет в городе Лобне Московской области.

ТРИ ГОДА

Девушка была тонкой, маленькой, едва доставала ему до плеча. Но держалась с достоинством, даже вызовом, как бы восполняя этим недостатки своей фигуры, и расхаживала по мастерской с иронической улыбкой. Когда она нагибалась, рассматривая эскизы, на спине сквозь платье проступал позвоночник и пуговица от лифчика. Выделялись и летние туфли на высоких каблуках. "Чтобы выглядеть выше", — усмехнулся

Леонид, слушая перестук каблуков и насмешливые, колкие вопросы, на которые она большей частью сама же отвечала.

— Что за египетская тьма? А-а, терриконики лунной ночью...

— А это совсем по Гоголю. Вечера на хуторе близь Диканьки, да? Но где же черт с помелом?

— Ведьма.

— Что ведьма?

— С помелом бывает ведьма, а не черт.

— А-а... — Она с минуту рассматривала картину, словно в чем-то удостоверяясь, потом игриво вертанулась на каблуках и замерла перед глиняной скульптурой, завернутой в мокрую тряпку.

— А что под тряпкой?

— Портрет шахтера.

Она рассмеялась.

— А зачем ты его завернул в мокрую тряпку?

— Чтобы не засохла глина. Лепка не закончена.

— Колоссально! Глина, мокрая тряпка. И охота тебе торчать тут целыми днями? Молодежь собирается на Дон. Есть машина. Поедем?

— Сегодня не могу. Надо работу закончить.

— Ой, ой, какой трудоголик!

Всем своим щуплым, неказистым существом она выражала сомнение, иронию и, наверное, была убеждена, что оригинальна, не замечая, как сама смешна. Но Леонид всё-таки побаивался её. Художники болезненно воспринимали критику, и чем критика злее, тем убедительнее.

— Жаль, жаль...

— Чего жаль?

— Что не поедешь на Дон. Понимаю: искусство требует жертв, — изрекла она банальную фразу, покоробившую Леонида.

— Можно посмотреть? — и мельком заглянула под тряпку, неопределенно почмокала губами, пошла дальше по мастерской. А Леонид подсадовал, он ждал если и не восхищения, то хотя бы какого-либо суждения, пусть даже строгого: он столько отдал сил и времени портрету своего отца-шахтера, считая его главной работой, тайно надеясь именно этим портретом добыть

признание и славу. "Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом", — услышал он недавно от старшины на военных сборах, и для него, новичка, это прозвучало, как открытие, он вообразил себя высокого, стройного в генеральской форме. "А почему бы и не стать генералом?" — подумал тщеславно. Но больше мечтал о славе художника. А вот девушка, его соседка, увидела в портрете всего-навсего пустячок, каких много было в мастерской. Но, может быть, она права? Портрет действительно плох? И ему стало обидно, захотелось, во что бы то ни стало согнать с её лица показную иронию.

— Просиживать тут целыми днями... Можно захиреть. Не боишься? — воскликнула она из дальнего угла, поворачиваясь к нему на каблуках так резко, что взвизгнула половица. Он подыскивал в ответ покрепче словцо, но сказал застрывшую в зубах фразу, после которой густо покраснел. Было и стыдно, и досадно на себя.

— Увы, ты права: искусство требует жертв, — произнес каким-то похоронным голосом. Надо было просто молчать, но он, не понимая сам, зачем, тут же хвастливо воскликнул:

— Через три года я буду писать картины не хуже Репина и Верещагина!

Она посмотрела на него точно так же, как только что на глиняную скульптуру под мокрой тряпкой.

— Любопытно!

И ушла. А он злился и долго досадовал оттого, что не развенчал ершистую девчонку. "Глупа, да еще с тараканами", — только и всего, что он смог сказать себе в облегчение, ходкой в то время уличной фразой.

И вот он снова здесь, спустя три года. Прохладно, пахнет глиной, и то ли полевыми цветами, засохшими в стеклянной банке, то ли красками в тюбиках, которые лежат на табуретке у мольберта, как и три года назад. Решетчатое окно в крыше плохо пропускает свет: засорилось опавшей листвой. И словно копотью, покрылась шахтерская лампа в углу. Да и на столе можно пальцем расписаться по слою пыли. Глиняная голова шахтера сохлась и потрескалась. По всему видно, тут не было никого с тех пор, когда сентябрьским утром Леонид уехал из поселка. Теперь он вошел сюда совсем другим, в новой, с иголочки, офицерской форме, которая ему очень шла, стройный,

красивый, весь в движении, в каком-то одухотворенном порыве. Подошел к мольберту и увидел сухую кисточку, воткнутую вверх помазком в расселину на табуретке тогда же утром, перед отъездом, с последним мазком, и она до сих пор там торчала. Было радостно и грустно. Радостно оттого, что всё здесь сохранилось, никто не нарушил маленького мирка художника, а грустно оттого, что этот мирок выглядел сиротливо, запущенно.

Леонид ходил по мастерской, всё для себя заново открывая, хотя тут не было ни одного предмета, к которому не прикасалась бы его рука. Он сделал сам и решетчатое окно в крыше для верхнего света, и широкое итальянское, обращенное к югу, — для бокового. На полках лежали сваленные в беспорядке книги вперемешку с беглыми зарисовками на листах бумаги и картонках. В углу были сложены тоже картонки и фанерки разных размеров с масляными и карандашными эскизами. Леонид с интересом стал перебирать эскизы, один за другим подносил к окну, к свету, отстраняя на длину вытянутой руки, вглядываясь в уже позабытые, но когда-то увлекавшие его пейзажи, портреты, жанровые сценки. Он любил с карандашом и альбомом незаметно подкрасться к матери, стряпавшей на кухне, или к отцу-шахтеру, уже одетому в заскорузлую робу перед уходом на смену, и с натуры сделать зарисовку. Теперь он рассматривал беглые наброски и выполненные маслом этюды, большей частью незаконченные, и удивлялся: как многое ему удавалось!

— Фантомас. И это фантомас! — оценивал Леонид вслух свои работы. Ему полюбилось словечко "фантомас", которое пошло в ход после нашумевшего детективного французского фильма и обозначало удачу. А Леониду шел двадцать первый год, он во всем подражал своим сверстникам, не очень разборчивым в выражениях, грубоватым шахтерским парням. Но вот когда начинал рисовать или лепить, появлялся как бы его двойник с уверенными движениями, зоркими умными глазами, и было ему самому непонятно, как могли жить эти два человека в одном.

Леонид выдернул кисточку, помял её, взял пустой стакан, в котором высохла вода и на дне остался грязный осадок, пошел за ширму, где была раковина. И её он сюда пристроил, готовясь к долгому, большому труду художника. Открыл кран и бросил в раковину с десятков кисточек, таких же сухих, как и та, что тор-

чала в табуретке. Сдавил тюбик. Вылез красный червячок. Леонид растер его между пальцев. Краска была на удивление свежая. Можно браться за дело. Тогда Леонид быстро натянул на подрамник незагрунтованный холст и свободно, уверенно провел овальную черту углем. Остановился, поразмыслил. В раковине булькала вода, отвлекая и раздражая, но это раздражение шло как бы вторым планом, не мешало. Он напряг память, пытаясь заново увидеть, пережить то, что хотел изобразить в рисунке.

... Солдаты рыли траншею у подножья желтого лысого бугра в желтой пыльной степи под Волгоградом. Было жарко, и они сбросили гимнастерки, повязали их за рукава на поясе, как фартуки, и работали в одних майках, а иные и без маек, играя мускулами под горячим солнцем.

Леонид расчищал обвалившийся, заросший бурьяном старый окоп и всё гадал: наш или немецкий? Лопата стукнулась о что-то железное. Леонид осторожно, со всех сторон окопал — обозначилась немецкая каска, даже две, вложенные одна в другую. Но и двойная защита не спасла немца. Осколок от снаряда пробил её насквозь, врезался в череп. Ржавый величиною с ладонь осколок и череп с ключьями сбившихся рыжих волос, и обе каски с прогнившими шерстяными подкладками Леонид вытащил из земли и положил на бруствер окопа, как нечто драгоценное. Сбежались солдаты, всем было любопытно посмотреть на необычную находку. Они откапывали в земле человеческие кости, ржавые автоматы, гофрированные цилиндрические коробки противогаров, полустлевшие кожаные ранцы с крышками из красной собачьей шерсти наружу. От "трофеев" шел сырой склепный дух, но ничего больше так не поразило Леонида, как одетые одна в другую каски, насквозь пробитые осколком.

В предрассветных сумерках он повел свое отделение в наступление, вслед за валом артиллерийского огня. Он очень хотел отличиться на учениях и понимал, почему командир направил именно его в сводную роту.

Месяца полтора назад солдаты ездили в совхоз окучивать картошку и задержались там до вечера. Дневального в роте некому было подменить. А на посту возле тумбочки стоял сварливый солдат Серегин. Утром он прикинулся нездоровым,

отлынивая от полевых работ, и Леонид поставил его дневальным.

— Сколько я буду здесь торчать, как идиот! — набросился он на сержанта.

— Картошка — боевое задание, — попытался отшутиться Леонид. — Постой до обеда. Я пришлю замену.

— Сам становись торчать здесь до обеда!

— Разговорчики, Серегин!

— Пошел ты, знаешь куда...

Серегин подбежал к лестнице, по которой спускался Леонид во двор, к машине, и плюнул ему в затылок. Леонид обернулся взбешенный, а Серегин выставил на изготовку карабин с приткнутым штыком, и в глазах его была животная ярость.

— Ты что? — оторопел сержант

— За-ко-лю!

Леонид изловчился, схватил за дуло карабина и смазал Серегина по щеке. И вот из-за этой оплеухи заварился сыр-бор на весь полк. Дело едва не дошло до суда, но командир вовремя притушил страсти. Сержант отделался гауптвахтой, как, впрочем, и солдат.

...Осколки, ослабев на лету, шлепались о землю в каких-нибудь двадцати шагах. А один черкнул рядом, едва не задев Леонида. Он слишком увлекся, "занес" левый фланг наступающей цепи, и снаряды с жутким визгом пролетали над головами солдат, с треском лопались, казалось, совсем близко, и вздыбленная земля, гарь, пыль, подгоняемые ветром, как степная черная буря, неслись навстречу, секли лица, набивались в рот, скрипели на зубах. На солдатах лица не было. Они стали похожи на шахтеров, только что поднявшихся на-гора. "Это и есть настоящий бой, хоть и без жертв", — мелькнуло искрой. Леонид много читал о войне, о жизни солдат на передовой, под огнем противника, видел часто подобное в кино, но только сейчас, под вой снарядов, ощутил, осознал, что это такое на самом деле, и ясно представил, как было тогда, в сорок втором под Сталинградом. Вложенные одна в другую каски не казались уже выдумкой какого-то чудаковатого немца, они пришлось бы сейчас кстати и Леониду. Он на минуту представил, даже почувствовал, как стальная тяжесть сдавила виски, а вдобавок

нежданно-негаданно в каску угодила увесистая грудка земли. Леонид припал к земле.

— Побьют... Побьют, как мух... Что же это такое? — услышал он чей-то надрывный голос. Обернулся. Серегин обхватил голову руками и дико озирался. Автомат лежал поодаль — бросил. "Никак драпать собрался", — подумал Леонид и, как бы в подтверждение, солдат вскочил, согнулся в три погибели, побежал, петляя ногами.

— Куда? Стой!

Сержант в два прыжка настиг беглеца и сжал его плечи так, точно хотел вдавить в землю. Серегин упал на колени, лег.

— За мной... Бери автомат! — Глаза Леонида зло сверкнули, выделяясь на закопченном лице, как яичные белки. Серегин покорно полез следом по-пластунски, подобрал автомат. Сержант толкнул его локтем.

— Вставай! Вперед! Ура!

— Урааа... — закричали солдаты и побежали к изрытым, полузасыпанным окопам "противника".

После учений командир с любопытством оглядел прокопченного, потного Леонида.

— Отчаянно действовал, сержант, — сказал он, и нельзя было понять поощрительно или осуждающе. — А если бы тебя накрыла вражеская батарея?

— Броском вперед вывел отделение из-под огня! — отчеканил Леонид по-уставному.

— Хочешь сдавать экстерном на офицера? Подавай заявление. Я поддержу.

... Лейтенант стоял перед мольбертом и вспоминал последний месяц своей круто повернувшейся жизни. Он ясно видел, что должен изобразить на холсте: обвалившийся, заросший пылью окоп, сложенные одна в другую немецкие каски и солдаты, сбжавшиеся посмотреть на необычную находку.

Про всё, что Леонид делал до сих пор, он думал: "Это нужно". "Это пригодится когда-нибудь..." И вот "когда-нибудь" настало. Он провел углем по холсту еще одну линию, но не столь уверенно. Что-то не клеилось, чего-то не доставало. Воображения? Мастерства? Он забеспокоился, заволновался, досадуя на себя, и вода в раковине уже не булькала, а, казалось, грохотала, как водопад. Леонид кинулся за ширму и закрутил кран.

Он считал, что друзья, родные, все люди ждут от него великого подвига в искусстве, и он чувствовал в себе силы свершить его. Он, помнится, сказал девушке-соседке: "Через три года!" В то время ему было восемнадцать, сейчас двадцать один. Но он так ничего и не сделал достойного полотен Репина и Верещагина. Всё, что было в мастерской, несмотря на наивность и подражательность, выглядело куда свежее, занимательнее, чем то, что сейчас выходило из-под его руки. Линии получались слишком ровные, рисунок слишком понятным. "В лоб!" — как сказал приезжавший в часть известный художник. Он прошел за сцену солдатского клуба, в оформительскую, где Леонид установил мольберт и рисовал в свободное время. До этого, кто бы ни заходил сюда, все смотрели на картины с удивлением: "Этот ты нарисовал? Здорово!" - "Как живой!" - "Изобрази меня, а, Леня?" - Но приезжий художник рассматривал разные поделки, хмурился. Он знал войну не по кино, не по книгам.

Среди декораций, свернутых задников на заляпанной красками скамейке стояла в подрамнике незаконченная копия картины Верещагина, предназначенная для фойе клуба "Генерал Скобелев принимает парад".

— Торопился... Плохо, конечно, — сказал Леонид, словно хотел опередить хулу мастера, хотя ему говорили, что копия получилась удачной. Но что такое копия?

А мастер, бегло осмотрев Верещагина, ничего не сказал и остановился перед портретом солдата-фронтовика с тремя орденами "Слава" на груди и усами вразлет на гордо смотревшем лице.

Точно яркий луч осветил потемки, и теперь Леонид увидел, как поспешно, небрежно он рисовал однополчанина, героя войны — с фотографии. Но что он знал об этом человеке? Что мог вложить в его портрет — какой характер, какую душу? "Не фантомас! Не фантомас..." — с грустью думал Леонид, рассматривая свою мазню из-за спины мастера.

— Ты должен сам прочувствовать, сам пережить то, что изображаешь. Только такая картина будет значительной. И для тебя самого. И для других, — говорил художник, видимо, очень желая помочь юному коллеге.

— А это подражательно! Это невыразительно, плоско, тут нет души, настроения, характера. Это не твое, это чужое.

И точно боялся чего-то недосказать:

— Такое малеванье губит непосредственность...

— Каждый день шесть часов у мольберта...

— Забудь увольнительные в город...

Леонид проводил его на автостанцию. До отправления автобуса оставался час. Они сидели под навесом на скамейке в жаркий июньский день, и Леонид вдруг предложил нарисовать портрет мастера. Он достал карандаш, и его рука быстро-быстро забегала по бумаге. Но портрет не получался.

Брови мастера сдвигались, хмурились, когда он рассматривал рисунок. Леонид сидел расстроенный и словно бы в осуждение себе, но так, чтобы слышал и мастер, уже садившийся в автобус, воскликнул:

— Сил нету, что ли!.. Докажу!

И теперь, в шахтерском поселке, дома в заброшенной мастерской он вдруг ясно увидел, чего в его работе не доставало, ясно представил запыленных, полураздетых солдат с кирками и лопатами у старого окопа. Они были разные по характерам, по настроению: один с любопытством рассматривал каски с торчащим осколком, другой посмеивался, покачивая головой, третий смотрел задумчиво... И название вроде бы пришло — "У заброшенного окопа" — простое, как и картина, но с глубоким "подтекстом", как сказал мастер, одобряя замысел. Но как это передать в красках? Какие тона? Какая композиция?

Он изнемогал от своих мучительных раздумий и, словно убегая от них, машинально подошел к зеркалу, посмотрел на себя в офицерской форме и еще раз убедился, что она ему к лицу, что он высок, строен, красив, что на улице встречает заинтересованные взгляды девушек, и соседка, — он был уверен, — вот-вот заявится. Выходит, она была права тогда, три года назад. На службе в армии он преуспел. А в искусстве?

Хлопнула калитка, послышался перестук каблуков по каменной дорожке. В унисон этому перестуку учащенно, гулко забило сердце, и Леонид представил, как она сейчас войдет в мастерскую и скажет иронически:

— Три года прошло, но я вижу только лейтенанта. А где же Верещагин или хотя бы Греков?

Леонид бросился к двери и дрожащими руками повернул в замке ключ.

— В мастерской? — зазвучал во дворе знакомый насмешливый голос. Она разговаривала с матерью, которая с утра была занята стиркой у летней печи. Слышался плеск воды, хлопанье мокрого белья, и всё это как сквозь какую-то тяжелую дрему. Рванулась дверь.

— Ты здесь? Открой!

Она на той стороне двери, он на этой затаили дыхание, прислушиваясь. Леонид не сдвинулся с места. Девушка еще раз окликнула его, постояла в ожидании, и каблук застучали по каменной дорожке, удаляясь.

— Нету? А будто туда пошел, — удивилась мать, шлепая бельем в корыте. Хлопнула калитка. Леонид вернулся к мольберту. "Это нужно лепить, а не рисовать!" — вдруг решил он, забыв уже о гостье. Почему именно лепить, он не мог объяснить, но кинулся к ящику с глиной. Сверху она засохла, растрескалась, как земля в засуху. Леонид отдирал куски, похожие на необожженные гончарные черепки, добираясь до сырой глины, и почти в отчаянии убеждал себя: "Сил нету, что ли? Докажу!.. Каждый день шесть... Нет, десять часов... Забуду девушек, танцы!"

...Признание талантливого художника он получил через двадцать пять лет, с сединой на висках.

ВЛАДИМИР ПОБЕДЁННЫЙ

Владимир Дмитриевич родился и вырос на Колыме, когда первые поселенцы, волею судьбы туда заброшенные, обживали этот суровый край. После окончания школы рабочей молодёжи в Магадане, был призван на службу в армию, в которой задержался на 29 лет. За время службы исколесил весь Советский Союз. Приходилось бывать и за его пределами. Накопилось много впечатлений, которыми захотелось поделиться. Попробовал себя в прозе, поэзии, в роле барда. Член ЛИТО «Новое Переделкино», г. Москва. Печатался в литературных альманахах. Что получается из этого — судить читателям и слушателям.

РЕКРУТЫ СЕНОКОСА

Свой первый отпуск после окончания ВУЗа решил провести на родине в кругу близких мне людей. Это желание к концу обучения было настолько сильным, что не давало покоя ни днём, ни ночью. Даже усталость и сон не могли вырвать меня из его цепких лап.

И вот всё позади: в кармане пахнущий типографской краской диплом, направление к месту службы и билет на самолёт в Магадан.

Родной город встретил прекрасной погодой, а друзья добрым вниманием. Время в дружеских пирушках летело незаметно, и это относительное однообразие в конце концов надоело. Безбрежная синь тайги на горизонте всё чаще стала манить к себе.

Моего старшего брата в это время в городе не было. Со слов его жены узнал, что он в тайге на сенокосе, где возглавляет бригаду «вольных сенокосчиков», и вернётся неизвестно когда. А сено косят где-то в районе посёлка Талон, и что контролирует все бригады в тех местах некто Варганов, который проживает в самом Талоне, и бригаду брата можно найти только через него.

Мой отпуск мой был не бесконечным, и перед полной неизвестности дорогой в самостоятельную жизнь, хотелось повидаться с братом.

Как-то раз, прогуливаясь по городу, случайно встретился с давним приятелем Николаем, с которым в школьные годы вместе занимались спортом. Он тоже приехал в отпуск и был волен распоряжаться своим временем. Зная его как заядлого рыбака и охотника, предложил составить мне компанию и отвести душу на природе. Дружок как будто этого и ждал.

Сборы были недолгими: палатка, ружьё, удочки и «привет» от цивилизации труженикам сенокоса (канистра пива да пару бутылок сорокаградусного «сучка»).

Уже на следующий день мы летели над Охотским морем на вездеходе малых воздушных трасс «Кукурузнике».

Катание на аттракционе «Американские горки» по сравнению с полётом на этом биплане вдоль береговой полосы – детская забава. Когда под крылом низколетающего самолёта мелькают то море, то суша, вместе с ними чередуются восходящие и нисходящие воздушные потоки. Летящий на малой скорости самолёт попадает в воздушную яму и как будто проваливается в бездну.

Желудок у пассажиров упирается в горло, кровь стучит в висках, словно молот по наковальне. Гребешки морских волн быстро приближаются, увеличиваясь в размерах, зрительно раздвигаясь и уже готовы пропустить тихолёт в царство Нептуна, но в последний момент он как бы натывается на упругую преграду, которая, как из катапульты, выбрасывает его обратно в поднебесье. Набат в висках затихает, желудок проваливается в сапоги, а солнечное сплетение оказывается в состоянии невесомости. Чередование: суша – море, взлёт – падение, суша – море, взлёт – падение напоминает гигантские воздушные качели. Некоторые из пассажиров, не выдержав болтанки, что-то урчали в плотно прижатые к губам гигиенические пакеты.

При очередной смене полёта по вертикали я успел просипеть в сторону дружка: «Коль, ты как?» Его сосредоточенное лицо не отреагировало на мой вопрос. И лишь когда «Кукурузник» благополучно зашуршал колёсами по гальке посадочной полосы, он наконец-то задумчиво ответил: «Нормально».

После «нормального» полёта в голове стоял шум, под ложечкой предательски посасывало, а железы по инерции продолжали наполнять рот избытком слюны.

Отдохнув некоторое время на лётном поле и придя в себя, мы двинулись в сторону деревянного строения, на котором висела неровная, с облупившейся краской вывеска – «Аэропорт Балаганное».

На крыльце нас встретила местная королева аэропорта: рыжеволосая великовозрастная дева, оказавшаяся одновременно и дежурной, и кассиршей. Признав в нас залётных чужаков, сморщила обильно осыпанный конопушками нос и, лукаво прищуриив глаза, любопытствовала:

– Куда путь держим, красавцы?

– Если расскажете, как до Талона добраться – будем признательны вам.

– Так это же ближайшие наши соседи. Тут совсем близко, километров 35 будет.

Её слова, что до ближайшего посёлка 35 километров, и это рукой подать, нас не удивили. На Севере люди живут просторно и соседей локтями не толкают.

– Так, может, посоветуете, как побыстрее добраться, чтобы время зря не терять?

– А то! – великодушно выдохнула «Королева» и её улыбка оживила конопушки. – Вон, ихняя машина разгружается. Если поможете – быстрее уедете.

Я пошёл к машине, а Коля, как истинный джентльмен, стал собирать добросердечной даме букет из полевых цветов.

В жизни, как в картах, если уж пошла масть везения, то она идёт.

Примерно через час тряски по ухабам немногословный водитель притормозил у крайнего домика посёлка.

– Это дом Вартанова, – и махнул рукой в сторону изгороди из жерди.

Мы вышли. Водитель несколько раз лихо газанул, и подывающий от натуги мотор потащил машину дальше.

Улица, на которой мы оказались, была совершенно пустынной. Ничто не нарушало тишину в таёжном посёлке. И, видимо, по этой причине к возмутителям спокойствия вышла из дома русоволосая женщина средних лет.

– Ищете кого?
– Вартанов нам нужен. Сказали здесь живёт.
– Здесь-то здесь, только сейчас его нет. В тайге он. Бригады сено копнить начали, так проверять поехал.

– А вернётся когда?
– Кто ж его знает? Может, завтра. А вам-то он для чего?
– Да нам пятую бригаду найти нужно. Мой брат там бригадиром. Может, подскажите, как найти, или проведёт кто из поселковых?

– Я вам сейчас расскажу, вы и без проводника найдёте. Тут недалеко, напрямки по тайге часа три ходу будет.

Мы с Николаем, не сговариваясь, посмотрели на солнце, прикидывая, есть ли смысл на ночь глядя шарахаться по дебрям. Перехватив наш взгляд, хозяйка успокоила:

– До захода солнца успеете. Вначале пойдёте по тропке через луг, потом у вывороченного сухостоя войдёте в лес. Тропа вас выведет к реке. Дальше километра три вниз по течению, а там на другом берегу и будет пятая бригада.

Поблагодарив хозяйку, мы спешно двинулись в путь. Тропинка змейкой вилась по луговине. Стояла прекрасная солнечная погода. На открытом пространстве лёгкий ветерок перемешал запахи лугового разноцветья и ядрёный хвойный аромат, слегка разбавленный грибным духом. Этот упоительный, бодрящий эликсир мы жадно хватали широко раскрытыми ноздрями. Он прибавлял нам сил.

Вскоре тропинка юркнула под кроны деревьев. Ароматные волны ветерка остались за спиной на лугу: видно тесно им в лесу, негде в шалости развернуться. Теперь хорошо утоптанной тропы как таковой не было. Она то появлялась под ногами, то пропадала, а местами раздваивалась или уходила на три стороны. Когда появлялись сомнения куда идти, окончательное решение принимали по солнцу.

Тропа казалась бесконечной. Рюкзаки с каждым шагом становились тяжелее. Сапоги всё чаще цеплялись за торчащие из земли корни.

От полного безветрия в чащобе и быстрой ходьбы нам стало жарко. Пот заливал глаза. От пота и слёз лица покрылись соляными разводами. Утираться было нечем. Руками придер-

живали лямки рюкзаков, которые всё больше впивались в плечи, выворачивая их в другую сторону.

Ко всему прочему, с нами нещадно расправлялись комары и мошки. Почувствовав нашу беспомощность и свою безнаказанность, эти таёжные вампиры упивались нашей кровушкой. Изрядно покусанные и опухшие, вышли к реке.

Первым делом избавились от ярма рюкзаков и бросились умываться. Вода была прохладной и, как слезинка, чистой. Опустив лицо прямо в речку, мы пили, как нам казалось, самую вкусную на свете воду. Утолив жажду, присели на валуны и стали растирать одеревеневшие плечи.

Осмотрелись, но никаких признаков сенокоса не увидели. Немного отдохнув, решили двигаться дальше. Время подгоняло, да и перспектива заночевать по дороге в тайге не особенно радовала. Пройдя вниз по течению реки с километр, вначале увидели на другом берегу дым, а потом палатки и людей.

– Эй, народ, это пятая бригада? – радостно закричали мы.

– Нет, – донеслось в ответ. – Это третья. Пойдёте дальше по берегу – найдёте пятую, – и, потеряв к нам всякий интерес, продолжили свои дела.

Мы шли будто на автопилоте. Чувство усталости и боль в плечах притупились, словно под воздействием анестезии. Очевидно, так поработали время, монотонность движений и чёткая цель, ради которой мы всё это терпели.

Через полчаса ходьбы на противоположном берегу заметили ещё одну стоянку людей. Подойдя поближе, среди них я узнал своего брата:

– Эге-гей, Юра!

На мой зов он повернул голову, некоторое время внимательно смотрел в нашу сторону, затем махнул рукой и быстро побежал к лодке. Подплывая к нам, подтабил²⁴ одним веслом, сделал пару мощных гребков другим и лихо развернул лодку кормой к берегу.

– Привет, братишка! Ты как здесь оказался? Бросайте сюда рюкзаки и сами тоже прыгайте в лодку, – на одном дыхании выпалил он.

²⁴ Табанить – грести веслом от себя.

– Да вот, пришли проведать тебя, а заодно и отдохнуть от суеты городской, – ответил я и оттолкнулся от берега.

Около палаток нас уже поджидала вся бригада косарей из четырёх человек. Рабочий день закончился, и повар готовился кормить людей. После двухмесячного пребывания в тайге они с любопытством посматривали на нас, пришельцев из цивилизованного мира. Конечно же, выставленная канистра пива, да ещё и с литром усиления, были как нельзя кстати.

Бригадир, как и подобает хозяину, представил свою команду:

– Василий - инженер, Стас - сварщик, Виктор и Денис - разнорабочие. Это на заводе, а здесь специальность у всех одна. Все равны, как в бане.

В летний период по указанию сверху, предприятия платили оброк людьми в помощь колхозам на заготовку сена. Как правило, на сенокос посылали тех, без кого на производстве некоторое время могли обойтись.

Вдоволь накупавшись с дороги в освежающей реке, поднялись на берег. За столом, сколоченным из двух неотёсанных досок, косари смаковали пиво. В их компании сидел чернявый мужчина кавказской внешности с плетью за голенищем сапога. На его усах поблёскивали капельки «Жигулёвского». В сторонке хрумкал свежую траву осёдланный конь.

– Знакомьтесь, – позвал Юра и представил нас: – Это товарищ Вартанов, старший бригадир на всём сенокосе; а это мой брат с другом, приехали проведать нас, – и пригласил к столу.

Повар тут же пододвинул к нам две большущие кастрюли с жареным хариусом и тушёной утятинной. Кроме нас все уже поели. Около стола валялись пустые бутылки из-под «царского подарка». На нас никто не обращал внимания. И, как водится на Руси после принятого на грудь стаканчика, мужики бурно спорили между собой на сенокосную тему. Как правило, у этого самого стаканчика обязательно есть маленький недолив, т. е. для полного удовольствия, (какой бы стакан не был), ещё чуть-чуть, да не хватает.

– Слушай, старшой, – услышал я обращение к Вартанову, – а не послать ли нам гонца в посёлок на твоём жеребце? День сегодня необычный: первый стог на этом месте сложили; доро-

гие гости приехали, да и само начальство в бригаду пожаловало? Надо бы достойно отметить...

– Так ты что, мне предлагаешь гонцом быть?

– Зачем, у меня братан джигит и с конём не хуже твоего управится. Братишка, иди сюда, получи от товарища Вартанова боевую задачу.

Старший бригадир растолковал мне, что к чему:

– Нужно быстренько верхом слетать в посёлок. В магазине продавщице Зинке скажешь, что от меня, пусть даст четыре бутылки. Если магазин будет закрыт – зайди к ней домой, она рядом живёт. И ещё, если дорогу плохо знаешь, коню не мешай, он домой в посёлок сам придёт. Но дорогу запоминай, обратно уже ты коню будешь указывать, куда скакать. Всё понял?

– Понял.

– Тогда вот тебе рюкзак, деньги, бери коня и поспевай. Пошлём мы тебя с большой надеждой, а обратно ждём с ещё большим нетерпением.

Я поднял голову и обвёл взглядом провожающих. Их глаза аж блестели от этого самого большущего нетерпения.

Усевшись в седло, переправился вплавь на коне через реку и на другом берегу пустил его рысью по тропе. По уверенному ходу чувствовалось, что дорогу домой он знает хорошо. Я лишь изредка поторапливал его пятками в бока. Сообразив, что от него хочет седок, он пускался в галоп, перепрыгивая через лежащие на тропе стволы деревьев. При этом у него в утробе что-то громко ёкало. Чтобы не избить в кровь свой копчик о седло, в момент прыжка приходилось приподниматься на стременах. Если этого не делать, то можно приобрести себе на неделю «матросскую походку»: не спеша, вразвалочку, с широко расставленными ногами.

Верхом и налегке путь до посёлка оказался не таким уж и долгим. Конь уверенно мчался домой и вскоре мы были на месте. Когда я на полном аллюре подскакал к магазину и резко осадил коня, продавщица уже возилась с замком, закрывая дверь. Подняв брови, она уставилась на меня, как на явление. Не дав ей произнести ни слова, на одном дыхании выпалил всё, чему научил меня товарищ Вартанов. Выслушав, она молча вошла в магазин и выставила на прилавок всё, что я просил.

Сунул две бутылки в рюкзак, а две по карманам, чтобы не гревели на скаку, и заспешил обратно. У знакомого подворья мой транспорт фыркнув, остановился. Очевидно, он решил, что уже сделал своё дело. Пришлось пустить в ход узду и плеть, дабы напомнить, кто тут хозяин положения.

Хоть летний день на Севере и длиннее, чем на Юге, но и он когда-то заканчивается. Стало смеркаться. Пришлось ехать тише, чтобы не наткнуться на свисающие над тропой ветки и не остаться без глаз или не вывалиться из седла при неожиданном прыжке через препятствие.

Горе - горькое поджидало почти в конце тропы: после очередного прыжка почувствовал, что в мои штаны что-то потекло и, взяв поводья на себя – остановил коня. Вокруг меня витал ядрёный букет аромата из спиртного и конского пота. Куда там французскому «Шанелю» до него... Оказалось, что облучок седла уменьшил драгоценный груз в рюкзаке на одну бутылку. Сюрприз - дезинфекцию невольно прошёл и я, и мой верный скакун.

Ещё на другом берегу я почувствовал что-то неладное в стане сенокосчиков. Одна палатка была завалена, людей – никого и лишь за столом виднелась одинокая фигура моего приятеля. Окликнул его и, помахав рукой, пустил коня в воду.

Виновато улыбаясь, он рассказал, что за время моего отсутствия произошло «Мамаево» побоище. Витя – «Законник», который, как оказалось, имел за спиной две ходки в лагерь, заспорил с Вартановым по поводу неправильного, на его взгляд, объёма заготовленного сена. В результате спор, как водится после приёма горячительного, плавно перешёл в откровенный мордобой.

Но так как Витёк по сравнению с кавказцем был мелковат и кулаком свою правоту доказать не мог, то решил закончить спор с помощью ружья. Стрельбу предотвратил родной бригадир Юра, в которого Витёк стрелять не стал, а по знакомству, в азарте и с удовольствием шандарахнул прикладом по бритой голове, когда тот попытался отнять ружьё. В ответ бригадир пудовым кулаком на какое-то время выключил разбойника из жизни. Смута, таким образом, была подавлена, а праздник души закончен.

Связанный смутьян что-то мычал в палатке. Бригада в подавленном состоянии сидела на брёвнах и обсуждала случившееся. При моём появлении Вартанов тут же забрал коня и ускакал, чтобы не испытывать судьбу. Бригадир посмотрел ему вслед, сплюнул, потрогал рукой огромного шишака на голове и, поморщившись, встал:

– Пойду, остужу голову в реке.

Я двинулся, на всякий случай, следом. Богатырского телосложения детина, с выпирающим пузиком, накаченным пивом, шёл тяжёлой поступью в носках. Один носок был наполовину спущен со ступни и заметал за ним след. Подойдя к обрывистому берегу, Юра другой ногой ненароком наступил на болтавшийся носок. Утратив возможность сделать очередной шаг, он по инерции подался вперёд. Потеряв равновесие, детина неуклюже взмахнул руками, как птица крыльями на взлёте, ткнулся головой по ходу движения и на пузе со склона заскользил к воде. Бултыхнувшись в реку, он долго не появлялся на поверхности. Наконец над водой показалась голова с вытаращенными глазами. Быстрое течение подхватило и понесло его вниз.

Предвидя беду, я на бегу кликнул Николая. Прыгнули в лодку и на вёслах пустились спасать экстремала. Нам было видно, что он не тонет и не плывёт, а сплавляется по течению, как надутый пузырь. Подплыв к нему ближе, увидели, что он прилично хлебнул воды и пытается откашляться. Тут уж не до плавания.

– Юра, цепляйся за лодку! – крикнул я.

Никакой реакции с его стороны. Тогда я ухватил его за уши (голова-то бритая, волос нет), и подтянул к корме, а Николай схватил его за руку... Изрядно намучившись, поняли, что эту массу, больше центнера весом, нам в лодку не поднять и решили просто буксировать его к берегу.

Бригада наблюдала, как мы тащили «дядьку Черномора» из воды и все покатывались со смеху. Сообща помогли подняться наверх, где повар напоил спасённого горячим чаем. Крепкий чай взбодрил его и согрел. Откинувшись на спинку лавки, Юра добродушно улыбался, поблёскивая фиксой.

Из палатки донёсся голос связанного:

– Снимите путы, насильники!

– Развяжите, – кивнул бригадир в его сторону.
Через минуту Витёк вылез из палатки и остался стоять у входа.

– Иди сюда, разбойник! – сурово произнёс бригадир.

И когда тот подошёл – продолжил:

– Видишь шишак на моей голове? Это по твоей милости я стал единорогом. Ещё раз возьмёшь ружьё в руки – удавлю. Вопросы?

– Всё понял, начальник, – с живостью ответил Витёк, нутром уловивший в этих словах благородное прощение.

– Садись, негодяй, чай пить.

– Премного благодарен, начальник, – и, подняв голову, лукаво подмигнул нам подбитым фиолетовым глазом.

Отхлебнув чая, приободрился:

– А, между прочим, я за вас за всех пострадал, защищая сено и заработки...

– Заткнись, законник, без тебя бы разобрался, – обрезал его Юра.

– Как скажешь, начальник.

– Вот так и говорю, как слышишь. Кстати, братишка, – обернулся ко мне, – что ты там привёз? Тащи одну, разольём на мировую и забудем про это дело. Сухой закон объявляю. Завтра с утра продолжаем сено стоговать. Повар, чтобы завтрак был вовремя.

Махнув по чуть-чуть, сообщая поставили заваленную палатку и улеглись спать. Ещё один прожитый день был позади.

Открыв глаза, я спростонья ощутил себя в каком-то странном мире: сквозь выгоревший брезент восходящее солнце наполнило палатку розовым светом; под пологом палатки зудел свою заунывную песню заблудившийся с вечера одинокий комар; рядом посапывал во сне бригадир, а где-то вдалеке слышалось чириканье проснувшихся лесных пичуг.

Потянувшись, я отогнал от себя остатки дрёмы и вылез из спального мешка. Откинув полог палатки, выбрался наружу. Солнце уже поднялось над верхушками деревьев и разукрасило окрестности позолотой. Было зябко. Над лентой реки парил лёгкий туман. В ближайшей заводи плавала пара серых уток, которые о чём-то потихоньку кричали между собой. Перед печкой на корточках сидел повар и раздувал огонь.

– Служителю живота, доброе утро.

– Привет. Не спится?

– Выспался на свежем воздухе. Помочь чем?

– Настругай сухих петушков на растопку, а то вчерашние отсырели за ночь и плохо берутся огнём.

– Сейчас сделаю.

Вскоре в печурке весело гудело пламя. Чайник вскипел быстро, и выпитая кружка свежесваренного чая приятно грела нутро.

Просыпающиеся по одному выбирались из палаток. Одни курили натошак, другие сразу спускались к воде умываться. Стан оживал. Начинался очередной трудовой день.

За завтраком бригадир уточнил задачу на день:

– Значит так: я, Василий и Денис – идём косить по росе, а ты, Али-Баба - али разбойник, – обратился он к Витьку, – как травмированный в глаз, пойдёшь с поваром сено ворошить. После обеда будешь верхи на копнах выкладывать. А вам, дорогие гости, задача полезная и приятная: сколько пробудете у нас, столько и будете к столу поставлять рыбу разную и вдоволь, утятину и гусятину чтобы не переводились; ну, а если принесёте грибов хороших и ягод вкусных – то мы возражать не станем.

После завтрака все разошлись. Мы с Николаем в болотных сапогах и с удочками спустились к реке и пошли искать рыбное место.

Вскоре за перекастом увидели играющего хариуса. Наловили кузнечиков и стали рыбачить. Такого рыбного жора я уже давненько не видывал.

Едва внахлест заброшенный кузнечик касался воды, как его тут же атаковала прожорливая пасть хариуса. Попавшись на крючок, этот хищный красавец отчаянно боролся за свою жизнь: уходил на глубину, нырял под камни, растопырив плавники, дугой изгибался против течения, метался из стороны в сторону, высоко выпрыгивал из воды и, плюхнувшись обратно, опять уходил на глубину. Некоторые из них, благодаря своему необыкновенному желанию жить, хоть и с разорванной губой, но вырывались на свободу, а большинство попадало на кукан²⁵.

²⁵ Кукан – бечевка, на которую надевают, под жабру и в рот,

Когда клёв хариуса прекратился, решили «погонять» форель. Набрали на мелководье ручейников и пошли вдоль берега. Вода была настолько прозрачной, что рыбу хорошо было видно с берега. Крючок с ручейником подводили рыбе прямо под нос, и ей оставалось только открыть рот. Если же форель отворачивалась, то можно было предположить, что она сыта или же у неё с утра плохое настроение. Тогда наживку подносили другой рыбе.

После такой незатейливой рыбалки к обеду мы с трудом притащили наш улов повару.

Передохнув и подзаправившись, взяли ружьё, «мелкашку» и пошли на лесное озеро, про которое нам рассказал повар. Там косари утку промышляли. Озеро оказалось достаточно большим и было окружено дремучим лесом. Посередине красовался поросший осинником островок. Мимо него в нашу сторону плыла стайка нырков, штук двадцать. Эту утку на воде из ружья взять трудно, она ныряет одновременно с выстрелом, и дробь уже бьёт по воде. Замаскировавшись за корягой, мы стали ждать, чтобы нырки подплыли поближе. Как только дистанция сократилась до 15 метров – я саданул дуплетом.

Когда дым от сгоревшего пороха рассеялся, в ушах стоял звон, кровоточил разбитый отдачей палец, а на том месте, где были утки, безмятежно играли солнечные зайчики. Через некоторое время они вынырнули на приличном расстоянии от нас. Мы убедились, что реакция у нырков великолепная. Но «HOMO SAPIENS» всё - равно мудрее.

Николай спросил, похлопывая по прикладу висевшей за спиной малокалиберной винтовки:

– Как ты думаешь, пуля из нарезного ствола быстрее летит, чем дробь?

– Наверно быстрее...

– Тогда я выдвигаюсь на снайперскую позицию. Но условие: в случае моей удачи, дичь из воды будешь доставать ты.

– Нашёл собаку...

– Что поделаешь, дружище, каждый должен делать ту работу, которая у него лучше получается. Не беспокойся, без сапог

пойманную рыбу, пуская ее на привязи в воду.

ты на плаву некоторое время продержишься и сразу ко дну не пойдёшь.

– Успокоил, шутник.

– Тогда за дело.

Николай был прав: пуля действительно летит быстрее, чем соображает утка. С подветренной стороны звук приглушённого выстрела из «мелкашки» долетал до нырков с опозданием, а это каждый раз стоило жизни одной из птиц. Когда изрядно продрогший и искусанный комарами, я достал из воды седьмую, решили остановиться.

Аппетитно уминая запечённую на костре уточку, бригадир ухмыльнулся в нашу сторону:

– Ну что, за рыбалку и охоту ставлю вам с натяжкой положительный балл...

– Как это положительный балл с натяжкой? – в один голос удивились мы, явно рассчитывая на большее.

– А вот когда с тундряного места каждому по гусю принесёте, тогда, может быть, и балл повысится.

– А это тебе что, не мясо?

– А где ты видишь мясо на плавающих цыплятах? Хорошо полопаешь – хорошо и поработаешь, – народная мудрость.

– Мудрость, только наоборот.

– У кого-то может и наоборот, а у нас так. Верно говорю, мужики?

– Угу, – поддакнул Витёк, обгладывая косточку. – Паечка из гусятинки посерьёзнее будет.

– Вот попью чайку и расскажу, где гусей искать, – закончил бригадир и потянулся за кружкой.

После ужина, наломавшиеся на работе мужики перекурили и потихоньку потянулись по палаткам отдыхать. Только бригадир в одиночестве сидел над обрывом у берега реки, уставившись на уходящий за горизонт леса красный диск солнца. Возможно, угадывал погоду на завтрашний день. Я подошёл к нему. Сел рядом.

– Юр, ты обещал рассказать, куда на гусей идти.

– А - аа, ну да... – оторвался он от своих дум. – Вы где сегодня рыбачили?

– Внизу, за перекатом.

– А гогот гусиный слышали?

– Да вроде, только издалека он. Ветер в нашу сторону был.
– Вот туда и идите. Сам не ходил, но местные говорят – безлесное место там с озёрами. Гуси к отлёту в тех местах табуняются²⁶. Будет желание – сбегаете с Николаем, а сейчас пошли спать, умаялся я сегодня.

Утром, после завтрака, когда все ушли на работу, я поведал дружку вчерашний разговор о гусином месте.

– А сколько туда идти? – уточнил он.

– Да кто ж его знает? Вот сходим и узнаем заодно. Раз ветер гогот донёс, значит не на краю света.

На том и порешили. Взяли мелкашку, ружьё и двинулись в указанную сторону.

Три часа ломались через дикий с завалами лес, в обход топких трясин, что поубавило нашего энтузиазма. Эти зигзаги вдвое удлиняли путь и отодвигали во времени нашу цель похода. Ко всему прочему, радости жизни лишали комары, которые кружили вокруг нас свою зловещую карусель. На лицо и руки мы наносили «Репудин» (лосьон, отпугивающий комаров), но он мало помогал. Хоть и написано было на флаконе, что защищает от этих кровососов 4-5 часов, но уже через 30 минут комары с ещё большим остервенением пикировали на нас, как будто мы становились для них слаще.

Гусиный гогот был всё так же далёк. Создавалось впечатление, что он всё дальше заманивал нас в тайгу. Это напоминало колдовство.

– Давай так, – предложил я, – ещё один час идём в эту сторону, и если ничего не изменится – возвращаемся.

– Годится.

Час ходьбы к гусиным местам нас не приблизил. Их далёкий гогот уже слышался нам как хохот над неудачниками.

– Поворачиваем, – выдохнул Николай, смахивая пот со лба, – пусть гуси живут себе на радость.

Перед обратной дорогой присели отдохнуть. Вокруг нас тёмными островками блестела шикша. Эта сочная ягода отлично утоляла жажду. На зелёной моховой подстилке, на длинных ножках, оранжевыми звёздочками красовалась морошка. После пресной шикши, спелая морошка на вкус была как десерт.

²⁶ Табуниться – собираться в стаю.

Отдохнули и двинулись в обратный путь. Где-то на полдороге Николай меня остановил:

– Смотри, гусь, – прошептал он и показал рукой влево, в сторону зарослей.

– Где?

– Да вон же, на дереве.

– Хватит трепаться, гуси на деревьях не сидят.

– Да ты лучше смотри, – улыбаясь, настаивал он.

Действительно, на дереве сидела какая-то серая птица величиной с гуся. Стараясь не спугнуть, мы потихоньку подкрались поближе. На ветке восседала полярная сова.

– Слышь, я её сейчас из мелкашки сниму.

– Зачем? – удивился я.

– Отличное чучело будет, – и, прицелившись, нажал на спусковой крючок.

Сова качнулась, ещё какое-то мгновение посидела на ветке и рухнула вниз.

– Зоркий глаз и твёрдая рука, – похвалил он сам себя.

– И деревянная башка, – добавил я. – Напрасно птицу загубил.

– Ничего ты не понимаешь, – оправдывал Николай свой поступок. – Этот трофей похлеще гуся будет.

– Как знаешь, но всё равно, напрасно.

Дальше спорить не стали – дело сделано и ничего уже не вернёшь. Подобрал трофей, продолжили путь.

В лагерь вернулись под вечер. За столом сидел один бригадир и пил чай.

– А где народ?

– Народ ещё на покосах. Я на кочке ногу подвернул, так пришлось с поваром поменяться местами. Сейчас вместе будем ужин готовить из гусятины. Выкладывайте добычу.

Николай вытащил из вещмешка сову и распластал по земле.

– На кой ляд вы её притащили?

– Чучело будет.

– А народ чем кормить? Вы же на гусей ходили.

– Так не нашли мы их. А, собственно, зачем горячку пороть? Вон, видишь, хариус на вечернюю мошкару плещется – сейчас наловим, раз сова не гусь.

– Сова не гусь, говоришь? – задумчиво переспросил бригадир. – В твоих словах есть соль идеи. Имеется у меня один брезгливый штрафник, так мы ему персональное блюдо из совы приготовим. Пусть поплюётся.

После этих слов Юра взял сову, аккуратно снял с неё шкурку, чтобы не испортить будущее чучело, порубил тушку и в отдельной кастрюле по всем правилам затушил. Вскоре пришла голодная братия.

– А где ещё одного потеряли? – поинтересовался бригадир.

– Витёк следом подойдёт, последнюю копну лапником обкладывает. Дожди на днях обещают, так если хорошо не укрыть, то залетит и сопреет сено. Жалко, труда-то сколько положили, – со знанием дела изложил рыжеволосый Стас. – Что на ужин сегодня вкусенького?

– Хариус жареный и макароны по-флотски с тушённой.

– А каждому по обещанному гусю где?

– В тундре. Принесли только одного, но он неделимый и как премия будет подан самому работающему, который ещё трудится, а вы уже здесь, за столом, на гусятину облизываетесь. Так что, дерзайте на покосах, а ваши гуси пока жирок нагуляют, – поставил авторитетную точку бригадир.

Все без обид навалились на еду. Знали, что старшой своё слово держит. Когда уже пили чай, появился Витёк:

– Приятно откусать честному народу, – поприветствовал он. – Разводной, а не подашь ли и мне паечку?

– Тебе? С удовольствием! – и Юра поставил перед ним кастрюлю с тушённой совой. – Прошу, гусь персональный.

Витёк расплылся в улыбке от такой бригадирской заботы и принялся наяривать прямо из кастрюли. При его аппетите она быстро опустела.

– Макароны с тушённой будешь?

– Это блюдо пропускаю, – и в подтверждение сытости зычно отрыгнул. – Извольте подать мне чайку, – и, отвалившись на спинку лавки, в блаженстве прикрыл глаза.

Мужики перекуривали рядом на бревне и, поглядывая на счастливого, слегка завидовали ему. В это время Юра подошёл к столу, за которым восседал в блаженстве Витёк и растянул за крылья шкурку совы:

– Хочешь посмотреть на гуся, которого ты сожрал?

Тот приподнял веки. Перед его носом был крючковатый клюв и вытаращенные совиные глаза – полтинники, а снизу болтались когтистые лапы...

– Ты что? Ты что несёшь? – заверещал Витёк. – Врёшь! Не может быть!

– Может, троглодит, может! Сегодня ночью она угукать в твоём бездонном пузе будет!

Обжору с лавки, как ветром сдуло. В три прыжка он долетел до реки, скатился с обрыва и ещё долго внизу рычал, исторгая из своей утробы всё, что с такой жадностью заглотил. Вернулся с позеленевшим лицом и покрасневшими от натуги глазами:

– Старшой, ты, что же это? А?

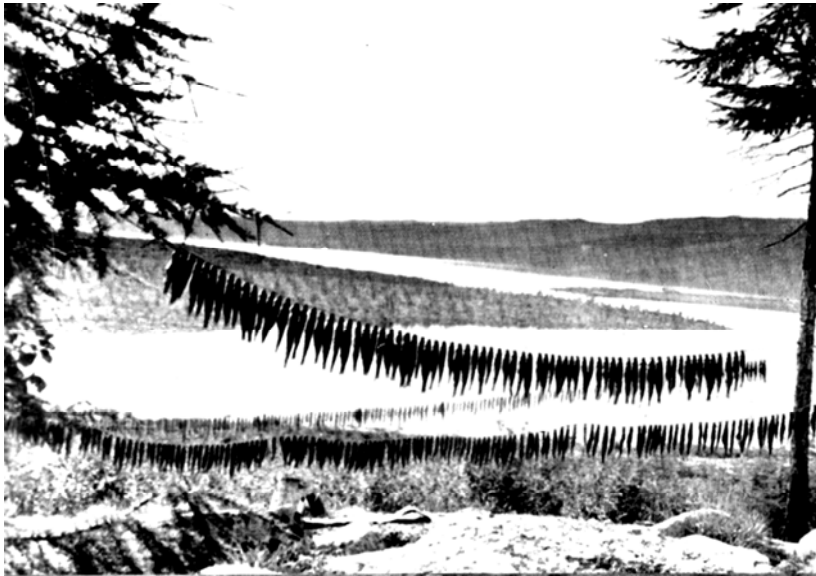
– А что? Это же не отравка. Я ведь только пошутил над тобой, а ты к моей черепушке всерьёз прикладом приложился. Так что мы с тобой квиты.

Мужики, наблюдавшие за этой сценой, дружно покатывались со смеху. В конце концов завидки по съеденному «гусю» прошли, да и взаимные обиды на шутку и шишак на голове тоже. Попили чайку и окончательно замирившись, пошли отдыхать.

Следующий день мы с Николаем решили посвятить рыбалке. На зорьке ушли вниз по течению за перекаты. Изголодавшая за ночь рыба клевала прекрасно. По отработанной методе к полудню каждый надёргал по котомке рыбы. Монотонность рыбалки и ненасытные комары в конце концов сломили наше терпение. Когда вернулись в лагерь, повар отказался от рыбы.

– Надоела она уже. Вон соль в мешке, засолите и подвяльте. А через пару деньков подкоптить можно будет. У нас коптильня из бочки сделана. После обеда сходили бы вы лучше маслят на мхах насобирали, да жимолости на пойме.

С его предложением мы согласились. Не стали дожидаться общего стола, а поели вдвоём и пошли через лес на луга. Земля редколесья, на которую мы набрели, была покрыта толстым седоватым ковром ягеля. Этот мох – самый что ни на есть олений деликатес. На нём то тут, то там поблескивали тёмные шляпки маслят. За полчаса мы нарезали на ужин несколько килограммов самых отборных и решили не задерживаться, а напрямик двинуть на пойму.

Урожай жимолости на заливных лугах нас порадовал. Места тут нехоженые, а ягода нетронутая. Небольшие кустики жимолости от обилия ягод со стороны казались синеватыми. Продолговатые плоды отливали матово-синим цветом. Спелые ягоды таяли во рту, завораживая необыкновенным ароматом. Лесное угощение горстями отправляли в рот и вскоре набили оскомину. Только после этого вспомнили, что у нас есть и другая ёмкость для ягод – ведро.

Когда с дарами леса вернулись в лагерь, повар оценил наше усердие:

– Вот это другое дело! А то рыба и мясо каждый день. Сколько можно? Значит так: на первое – суп гороховый будет, на второе – грибы тушёные с картошечкой на гарнир, а заплём всё это чайком на брусничнике заваренном, с травами разными, да со свежим вареньем из жимолости. Каково будет?

– Здорово придумал.

– Тогда за дело. Чтобы ужин не задерживать, вы мне должны помочь.

Мы дружно принялись за работу. Сообща ужин приготовили вовремя. Изголодавшиеся косари с удовольствием приняли

новшество в меню. Запивая свежее варенье ароматным чаем, Денис обратился к бригадиру:

– Старшой, на дальнем покосе, у ягодника за плёсом, не раз уже медвежьи следы видел. И вот сегодня опять на свежие натолкнулся. Мишка то ли в ягодник ходит, то ли рыбу промышляет. Может, дашь ружьишко, схожу на ночь в засидку? Медвежатники на вертеле запечённой захотелось...

– Ты забыл, кто в тайге хозяин? Размечтался... на вертеле... запечённой... А как насчёт гроба деревянного?

– Так я же не в рукопашную на него пойду. Устроюсь на дереве, которое потолще, на нём и поджидать буду.

– У меня только три патрона с жаканами осталось.

– Хватит, думаю.

– Ладно, я тебя не посылаю, сам идёшь...

– Ясное дело, что сам.

После чаепития бригадир вынес ему из палатки ружьё, патронташ и охотничий нож.

– А нож зачем? Я же сказал, что не в рукопашную собираюсь, а с дерева.

– Бери, медвежатник хренов. У мишки когти и клыки есть, а у тебя на крайний случай хоть один надёжный железный зуб будет. Да-а, ещё, вон там, у куста жеребец кучу навоза после себя оставил, так ты возьми с собой. Когда залезешь на дерево, натри навозом одежду, чтобы запах человека отбить, иначе не подойдёт зверь, если учует тебя.

– Ну, да, дерьмом мазаться...

– Намажешься, чистоплюй, если не хочешь всю ночь на дереве напрасно просидеть.

Денис собрался, повесил на шею ружьё, помахал нам рукой и ушёл в сумрачный лес испытывать то ли судьбу, то ли себя.

Всегда после ужина мужики вспоминали весёлые истории из своей жизни, рассказывали анекдоты. А сегодня после ухода Дениса чувствовалась какая-то внутренняя напряжённость, тревога. Разговор не клеился. Над поймой опустился туман. Потянуло прохладой. Посидели ещё немного и разошлись по палаткам.

Сон в эту ночь у меня был тревожным. Спал чутко, несколько раз просыпался и прислушивался к шуму леса. Он жил

своей обычной жизнью. Едва дождавшись рассвета, вылез из палатки. Непроизвольно посмотрел в ту сторону, куда ушёл Денис.

Пойму укрывал тонкий слой тумана. От воды над рекой поднимался пар. Оказалось, что не я проснулся первым. Повар уже колдовал у печки, а двое умывались в реке. Пошёл и я окончательно прогнать утреннюю дрему прохладной водой. Со стороны она казалась ледяной, и я уже всем телом приготовился к этому, но, окунув руки, почувствовал, что в воде теплее, чем на воздухе. Ополоснувшись по пояс, ощутил прилив бодрости.

Когда поднимался вверх, услышал голос бригадира:

– А вот и охотник наш идёт.

Действительно, на луговине по колено в тумане в нашу сторону брёл человек. На шее висело ружьё, руки были раскинуты в стороны и лежали на прикладе и стволах. Издали он смотрелся как видение с крестом. Когда Денис подошёл поближе, бригадир, улыбнувшись, полюбопытствовал:

– Ну, что, медвежатник, готовить вертела или чистые штаны?

– И ни то, и ни другое.

– Тогда рассказывай.

– А что рассказывать? Выбрал дерево, устроился на нём удобнее и стал ждать. Всю ночь просидел. Никого. Тишина. Под утро живот начало пучить. То ли от горохового супа, а, может, от грибов – не знаю. Терпел, сколько мог. Только потом меня так раздуло, что этот самый внутриутробный дух вырвался из меня с такой силой, что аж на весь лес громынуло. А в ответ, недалеко от меня как рявкнуло что-то и ломанулось через кусты в чащобу. Похоже, медведь был.

– Так, может, ты его своим гудком до смерти испугал? «Медвежья болезнь» называется. Может, он и умер со страху там? Ты в кустах его тело бездыханное искал?

– Ага, сам иди в кусты, с медведем в прятки поиграй. Я ещё целый час потом с дерева не мог слезть.

– Так, может, ещё разок в засидку на ночь сходишь?

– Да нет уж...

– А говорил, медвежатинки очень захотелось...

– Старшой, оставь человека в покое. Ты лучше налей ему чего-нибудь покрепче из своего «НЗ». Дай в себя прийти, – заступились слушатели.

– Повар чаю крепкого нальёт. Большого не заслужил. Но сначала иди в речку искупайся, – обратился Юрий к Денису, – а то от тебя душком пованивает, непонятно только, конским или твоим.

Больше никто над добровольцем – медвежатником не подшучивал. Каждый мог представить себя на его месте. Важно, что он сам себя испытал на прочность и наверняка сделал должный вывод.

Когда завтрак уже заканчивался, из соседней бригады пришёл человек

– Кто из вас Василий Баранов будет?

– Ну, я. А что?

– Вчера на почту в посёлок ходил. Там меня попросили передать, что тебе пришёл денежный перевод из Магадана, ещё месяц назад, и если не заберёшь, то его отправят обратно.

– Старшой, что скажешь? Забрать бы надо.

– А зачем тебе деньги в лесу?

– Так... на обратную дорогу сгодятся...

– Ладно, сейчас и выходи. С утра мы без тебя обойдёмся. Да смотри, с деньгами в посёлке не «загуди», а то любишь ты это «заворотниковое дело». К обеду чтобы вернулся.

– Командир, буду как штык!

Витёк отозвал Баранова в сторону:

– Пустым из посёлка не возвращайся. С угощением ждём. Зря что ли за тебя пахать будем?

– Так, бригадир сказал...

– Это он сказал, а ты волю народа слушай!

– Ну, ладно.

Василий стал собираться: побрился, надел клетчатую рубашку с галстуком, костюм, надушился «Шипром». Ну, прямо фронт из леса. Очевидно, сработало самолюбие инженера. Перевёз я его на лодке на другой берег и он ушёл, а я с бригадой подался на покос.

Солнце уже оттолкнулось от горизонта тайги и напрямик покатилося к зениту. На кочковатой пойме высохшей болотины,

среди полуистлевших пней и одиночного сухостоя серебрилось остатками росного бисера буйное разнотравье, в пояс человека.

Мужики молча разобрали косы. Кто-то отбивал на обушке зазубренное вчера о валежник лезвие, другие поправляли косы оселком. Нашлась запасная коса и мне. Как же, побыть на сенокосе да и не помахать литовкой?!

Первым справился бригадир:

– Ну, что, труженики серпа и молота, с богом! – и размашистым движением пропорол в траве первый прокос.

Выбрав себе место посвободнее от валежника, сухостоя и пней, его примеру последовали и другие.

Я пристроился вслед бригадиру. С сильного замаха моя коса то и дело клевала носиком встречные кочки, пни, а то просто втыкалась в землю. Очередной клюнутый пенёк не хотел её отпустить, будто это не коса в него уткнулась, а он её поймал. Я выдёргивал косу, но вскоре всё повторялось.

Глядя на мои чертыхания, Юра подошёл ко мне.

– Смотри, братишка, сначала показываю, как косу правильно держать. А теперь – как нужно кочки и пеньки окашивать.

Его натруженным рукам коса повиновалась, словно смычок рукам маэстро.

– Юр, ты же городской, откуда такое мастерство?

– Да это очень просто. Нужно всего лишь пару месяцев помахать здесь косой и будет получаться не хуже чем у крестьянина. Ну что, косим дальше?

– Ага.

Играя мускулами при каждом замахе, он уверенно зашуршал косой по траве. Пытаясь не отстать, я потянулся следом.

Когда солнце упёрлось в зенит, бригадир наконец-то выдохнул долгожданное: «Шабаш!» и воткнул косу рукоятью в землю. Мне не пришлось выпускать косу из рук – она сама выпала.

Мокрые, устало подтянулись к нам остальные косари. На рубахах остались сухими, пожалуй, только пуговицы. Ядрёный дух прокисшего на солнце мужского пота надёжно защищал нас от вездесущих комаров, которые противно зудели рядом и лишь особо отчаянные решались рискнуть.

– Травки навалили сегодня славно, на солнцепёке и под ветерком она подсохнет хорошо. К вечеру придём ворошить. А

сейчас всем в речку и на обед. Повар ждёт, – авторитетно подытожил бригадир.

К обеду Василий не вернулся. Не пришёл он и к ужину. Начали уже волноваться: что бы это могло случиться? Только Витёк не волновался, а с негодованием возмущался:

– Что он за человек? Ну, ничего серьёзного ему доверить нельзя... Бригаду своим невниманием обидел. А ещё инженером работает...

Его заботило своё: гонец с угощением не вернулся. В ожидании и волнениях спать легли позже обычного.

Под утро меня разбудил какой-то посторонний звук, похожий на мычание. Растолкал брата:

– Юр, мычит кто-то. Может, медведь пришёл?

– Может, – спросонья согласился он.

– А, может, Василий вернулся и зовёт перевезти его?

– А что ему мычать, мог бы и крикнуть.

– Так мало ли чего... Возьми ружьё, давай выйдем, посмотрим.

Вылезли из палатки. Было темно и на другом берегу ничего не разглядеть. Обошли лагерь, но ничего подозрительного не заметили. На всякий случай позвали Василия. В ответ – тишина. Постояли немного и полезли в палатку досыпать. Сквозь предутреннюю дрёму мне опять послышалось мычание вперемешку с бормотанием. Взял ружьё и один вылез из палатки.

Уже светало. Над верхушками деревьев проклюнулся краешек восходящего солнца, и противоположный берег хорошо просматривался. Я оторопел от того, что увидел. На другом берегу из деревянной бочки, которая там валялась без дна, торчали ноги человека. Бочка лежала на боку и шевелилась, значит, можно было предположить, что хозяин ног (а им мог оказаться Василий), жив.

– Эге - гей, Василий! Это ты?

Бочка молчала. Из палатки высунулась кудлатая голова Витька.

– Чего там?

– Вылезай и быстро в лодку. Похоже с Василием на том берегу что-то случилось.

– Сталкивай лодку в воду. Я мигом.

На одном дыхании перемахнули речку и бегом к «членистоногой бочке». При нашем приближении она глухо гукнула и задргала ногами в Васькиных башмаках. Как флюгер повернулась на обручах – Васькиной ободранной рожей в нашу сторону. Сбила пустые бутылки из-под портвейна, которые покатались по гальке. Их печальный звон привлёк внимание Виктора и очень его огорчил:

– Эй ты, Диоген поганый, вылазь из бочки!

– Нне-е м-мог-у. З-застрял ...

– Ах ты, пёс паршивый, – продолжал пилить его Витёк, – а то, что народ, жаждой томимый, тебя с нетерпением ждёт, тебе хоть бы что? Тебе, кайфовому, видишь ли, в бочке хорошо. Вылазь! – и ударил бочку ногой. – Да твою дорогу от магазина по пустым бутылкам можно проследить, алкаш позорный. Вон, две последние бутылки прямо у нас перед носом в одиночку вылакал. Ишь, как ему понравилось втихаря от дружков вино покусывать, змей ненасытный. И как только твоё брюхо от жадности не треснуло? Выползай! – и пнул его в ботинок.

– Нн-е-е ...

– Ладно, тащи эту улитку проспиртованную за ноги, а я бочку подержу, – снисходительно выдал из себя Витёк. – Ишь, гостиницу «Метрополь» себе нашёл. Сейчас я тебя, гад ползучий, в вырезатель отправлю.

Когда мы всё-таки вытащили его из бочки, он стащил с упавшего Васьки одежду, сгрёб его в охапку и бросил в речку. Холодная вода быстро привела инженера в чувство.

– Ну, что, змей трёхглавый, очухался? Конечно, в три глотки вон сколько вина можно засосать... Что ему друзья-товарищи, которые тоже, может, по «портвешку» соскучились? Эх, товарищ, товарищ... Да, не товарищ ты, а бледная поганка!

С этими словами Витёк безнадежно махнул рукой в сторону понуро сидевшего Васьки, в сердцах, пнул пустую бутылку, забросил в лодку одежду, а следом и её хозяина, который сильно страдал после полученного накануне удовольствия.

Народ, разбуженный шумом, с любопытством наблюдал за нашими действиями и доставкой Васьки на родной берег. Бригадир презрительно посмотрел на его ободранную, с бледным оттенком физиономию:

– Бросьте эту дохлятину в палатку, пусть оклемается. Представление окончено. Делом нужно заниматься.

За завтраком распорядился:

– Витёк, ты сегодня кашеваром побудешь, а повар пусть с вилами на покосе разомнётся, а то глаза уже салом стали заплывать. Вернётся домой, жена такого бугая не выдержит – он её раздавит. Заодно за бусурманом присмотришь.

– Ещё чего! Да я его сейчас в упор видеть не желаю, так он меня обидел...

– Ладно, дело прошлое. Ну, пошли мужики.

После безалаберной ночи мне идти никуда не хотелось. Было одно желание: завалиться в палатку и доспать. Витёк с кружкой чая остался за столом в одинокой печали, а я залез в палатку к Николаю. Растянувшись на спальнике, он слушал «транзистор».

– Пойдём куда? – спросил я его.

– Неохота. Давай лучше рыбу покоптим.

– Годится.

Из динамика доносился голос Эдиты Пьехи, которая старательным речитативом напевала песню из трёх слов:

*« ... Я могла бы побежать за поворот,
Я могла бы побежать за поворот,
Я могла бы побежать за поворот,
Я могла бы, только гордость не даёт... »*

– Эй, студенты! Вы меня слышите? Вот она смогла бы, значит и мы сможем... Давайте к столу, – пригласил Витёк.

– Зачем?

– Дело есть. «Коньяк с резьбой» будете? Экспортный вариант.

– Откуда он у тебя?

– Раз приглашаю, значит есть.

– Ну, раз приглашаешь – не смеем отказаться.

Вылезли из палатки. Витёк в руках держал пузырёк «Тройного» одеколлона и влюблёнными глазами смотрел на этикетку. На столе уже стояло три стакана.

– А коньяк где?

– А это тебе что, молоко парное?

– Ну, нет, мы тебе не компания.

– Как хотите, буржуины. Это самый что ни на есть народный коньяк. – Открутил пробку, отлил половину пузырька себе в стакан. Затем закрутил пробку понадежнее и пузырек с остатком одеколону спрятал в карман. – Сами понимаете, залить мою тоску-печаль надо. Вчера к вечеру настрой был, да вот не вышло, а его уважить надо, чтобы в душе уныния не было. Ну, будьте!

Зажмурил глаза, остановил дыхание и, запрокинув голову, вылил одеколон в рот. Сделал глоток и, растопырив ноздри, с вытаращенными глазами долго озирался по сторонам, потом подхватился и побежал к реке запивать. Вернулся с торжественным выражением лица:

– Ну, вот, Пьехе... гордость не даёт, а мне даёт...

– Ладно, гурман, после «народного коньяка» не забудь, что тебе обед варить.

– Поможете?

– Нет. Мы пошли рыбу коптить.

К обеду Васька пришёл в себя. Сидел за столом с пришибленным видом. После того, как натиск вопросов в свой адрес выдержал – перешёл в наступление:

– Витёк, а зачем ты мне костюм испортил и ещё в речке утопить хотел? А?

– Да... да... – потерял дар речи от такой наглости Витёк, – Да гнида ты! – выпалил он наконец. – Жалко, что мысль утопить тебя мне тогда в голову не пришла. Я тебе медицинскую процедуру отрезвления, в отличие от услуг «Медвытрезвителя», бесплатно сделал, без квитанции, а ты мне ещё... Ну и гад...

– Кстати, вмешался бригадир, – а где деньги на обратную дорогу, за которыми ты ходил?

– А, нету!

– Когда мы закончим здесь косить, уедем домой, а ты останешься сено сторожить. Вартанов интересовался добровольцами. Обещал наличными заплатить. Вот и на дорогу заработаешь. «На халяву» кто ж тебя в самолёт возьмёт.

– Не могу я здесь оставаться. Бригадир, может, дашь денег взаймы?

– Это вопрос не ко мне. К Витьку обращайся.

– Ага, как денег дать, так сразу к Витьку. Да меня от его вчерашнего «уважения», которое он нёс, да не донёс, до сих пор изжога мучает. Пусть здесь остаётся.

Чтобы как-то разрядить обстановку, бригадир обратился к Витьку:

– Какой лозунг на вашем бараке у «хозяина» висел? «Честный труд – дорога к дому»?

– Точно, был такой.

– Ну вот, видишь? Так что искупай, Василий, свою вину ударным трудом, и награда найдёт героя. Усёк?

– Ага, – согласился герой прошедшей ночи.

Спустя два дня мы с Николаем решили нашу «гостевую экспедицию» завершить и возвращаться домой. Провожали нас всей бригадой. За те 10 дней, что мы были вместе, успели сблизиться с этими по-своему интересными, не растерявшими чувство юмора людьми. Расставались с ними, как с близкими друзьями.

– Витёк, садись на вёсла, перевезёшь их на тот берег, – попросил бригадир.

Мы загрузили в лодку рюкзаки со щедрыми дарами северной природы и поплыли. На другом берегу Витёк тронул меня за локоть:

– Может, «коньячку с резьбой» на посошок? – расчувствовался он.

– Благодарю. Когда мы уйдём, примешь сам за наше здоровье и благополучную дорогу.

– Пожалуй, это будет правильно, – сообразил Витёк.

Обнялись с ним на прощание, помахали руками другому берегу и уверенным шагом бывалых таёжников ступили на тропу, ведущую к дому.

ГАЛИНА САДОВСКАЯ

Галина Леонтьевна – актриса, поэт, педагог, организатор литературной студии “Строгино”, руководитель детской поэтической студии в Центре образования им. М. Цветаевой. Внештатный корреспондент газеты «Октябрьское поле и весь Северо-запад».

Публиковалась в периодической печати и коллективных сборниках. Автор книг: «И льётся миру свет», «Создан мир из чудес». Член Союза театральных деятелей и Союза писателей России.

*«Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других
Как бы им в даренье»*

Б. Пастернак

Ночь скользнула влажным взором
В окна комнаты моей
И шепнула мне, что скоро,
Скоро будет юбилей.

Ах, куда вы, словно птицы,
Улетаете года?!
Ну а мне ночами снится,
Будто я все молода.

Будто все еще успею
В этой жизни совершить...
Я стихами грусть развею,
Стану мигом дорожить,

Солнца лучиком, травинкой,
Каждым вздохом в тишине
И осенней паутинкой...
Нет, не страшен возраст мне.

В окна лист летит осенний,
А в душе весна, весна!..
Со стены глядит Есенин –
Знает он, что не до сна,

Когда чувства половодьем,
Когда в сердце – трепет роз.
От любви с ума мы сходим
В зной, и в слякоть, и в мороз.

Да и кто кому прикажет
Где, когда, кого любить.
Кто подскажет, кто расскажет
Быть такому или не быть?

Зорко только сердце наше
Вот ему и доверяй.
А оно твердит: «Что краше
Сентября, который май!»

ОСВОБОЖДЕНИЕ КАРПАТ

Там, где были атаки –
Там волнуются маки.
Сила магии в каждой волне...
Маки, алые маки,
Вы, как символы, знаки
Тех бессмертных и храбрых,
Победивших в войне.

Слышу стук их сердец
Дан приказ: “Рота, к бою!”
Тут боец, там боец –
Все они предо мною.

Низко кланяюсь Вам,
Маки, я вас целую
И клянусь, не предам
Эту память земную.

ПЕСНЬ О СТРОГИНЕ

Я пою тебе, ветреный остров,
Сердцем искренним песню свою.
Мне живется здесь весело – просто
Оттого, что тебя я люблю.

От того и с годами не старюсь
Я ни сердцем своим, ни душой,
Что тебе каждый раз удивляюсь,
Незабвенный ты мой, мой родной.

*Строгино, ты мое, Строгино,
Ты открытое в небо окно,
Над водою парящая птица,
Что к высокому солнцу стремится.*

Даже мчащийся мимо «икарус»
Иль бегущий трамвай скоростной
Здесь похожи на лодку, на парус,
Зачарованный остров ты мой.

Весь обвитый, омытый рекою
К чистоте наши души зовешь.
По утру нас врачуешь росой,
Ночью спать соловьем не даешь.

*Строгино, ты мое, Строгино,
Ты открытое в небо окно,
Над водою парящая птица,
Что к высокому солнцу стремится.*

Возрождаясь из пепла,
Светлым ливнем прольюсь,
Чтобы только окрепла
Моя милая Русь.

ЛИДИЯ СТЕФАНОВИЧ

Родилась в Саратовской области в г. Балаково. Воспитывалась в детском доме. Образование высшее. Юрист, воспитатель, врач общего профиля.

Стихи пишу с детства. В творчестве был большой перерыв, пока не появилась первая внучка - гречанка Маша. А потом стихи стали рождаться на ходу.

АПРЕЛЬ

Снегирь на ветке встрепенулся,
Согревшись солнечным лучом,
Апрель гармошкой улыбнулся,
Желтеющим большим кольцом.

Луга проклюнулись цветами,
Господствует зелёный цвет,
Как ёлка в новый год шарами,
Сверкает солнечный букет.

В ДОМ ВОРВАЛСЯ ЗАПАХ СИРЕНИ

В дом ворвался запах молодой сирени,
Распустившись, ветка в окна наши бьёт.
Я прошу весна, мне посоветуй,
Что мне делать, если он придёт?

Дай понять мне по какой причине,
Как девчонка потеряла сон?
Я давно не верю тем мужчинам,
Кто клянётся, что в меня влюблён.

Одурманил запах молодой сирени,
Я иду навстречу открываю двери.

ПОЧЕМУ ТАК?

Не коплю, а копится –
Разве это правильно?
Не люблю, а хочется –
Этим сердце ранено.

Не делю, а делится,
На подгруппы истины,
Вся душа затравлена,
Вынести невыносимо!

15 декабря, 2005г.

ЧТО ЗНАЧИТ - БЫТЬ НЕОСТОРОЖНОЙ

Что значит - быть неосторожной,
Ещё трудней осознавать,
Как с незаслуженною рожей,
Да по твоей начнут хлестать.

ЕСЕНИНСКАЯ ОСЕНЬ

Вы сегодня совсем другой,
Да и Вы сегодня другая,
Позавидует встречи любой,
- Несравненная, неземная!

Звёзды неба, покосы полей,
Золотистой дорожкой кленовой,
Пробирает любовь до костей,
Свежесть поит листвою ядрёной.

Горизонт разрывает рассвет,
Распрямляется лента лиловая,
Распускается солнца букет,
И рождается утро новое!

*(стих навеян просмотром фильма
"Есенин", 31 октября 2005г.)*

И СНОВА О ЕСЕНИНЕ

У тебя все брали понемножку:
Кто - поля, кто - грустную луну,
Кто - синь неба, серую дорожку,
Я - кудрей твоих заманчивых струну.

Та, что слушала тебя и пела,
Не давала разуму покой,
Жизнь любила и добра хотела,
И цветы вишневые весной.

Осенью бродячая собака,
Разделяла кров с тобой, тепло,
Не стесняясь, мог пред ней поплакать,
К живности по-дружески влекло.

Не корю ухабистость всеильную,
Разве мог кого-нибудь предать?!
Больше жизни ты любил Россию,
И в стихах старался описать!

АФОРИЗМ

Не ищите в церкви оправданье,
Разберитесь в собственной душе,
Если нет у вас к добру сознанья,
Не поможет вам никто уже.

2.12.2005г.

ЗАЧЕМ?

Вы поменяли свой портрет,
Признаться, очень жаль,
А в этом я не вижу свет,
Лишь горесть и печаль.

ЕЛЕНА СОКОЛОВА

*Уроженка города Лобня,
Московской области.*

*Закончила музыкально-педагогическое
училище и МГПИ. Стихи пишет с 17 лет.*

Мать троих детей.

Радость, наполненность каждого дня.
Нежность объятий и мир откровений...
Как хорошо, что ты есть у меня, —
Верный источник моих сновидений!

Как хорошо, что, проснувшись с утра,
Я улыбаюсь, тебя вспоминая.
Ты в моей жизни — расцвета пора,
Ты — взлет судьбы и восторженность мая.

Ты заслоняешь от серых невзгод
Мягкой улыбкой, участливым взглядом.
Ты моих чистых сомнений полет.
Как хорошо, что ты есть, что ты рядом!

МУЗА

Жажду тихих, размеренных звуков,
Благозвучия музы прошу.
Осторожно любовь убаюкав,
Отдохнуть себе разрешу

Ты — моя одинокая правда,
Мне с тобою по жизни идти.
Повтори мне еще раз о главном,
Мою песню судьбы освети.

Благотворность твою не измерить.
Охраняю тебя, берегу.
И умом ни понять, ни поверить —
Сердцем лишь разуметь все смогу.

Пламя мыслей и действий безумства
Выпиваем до дна на двоих.
...Благородного терпкого вкуса
Долгожданный читаемый стих..

За порог выхожу в синий вечер.
По ступенькам тихонько иду.
И декабрьский порывистый ветер
Ударяет в лицо: «Украду!

Украду твое счастье без меры.
Украду твою песню любви.
Украду и надежду, и веру —
Ведь зимой не поют соловьи.

Ты ль посмела послушаться время,
Шаг которого бьет по виску?
Не считаешь находки, потери?
Опрокинула боль и тоску?

Вопреки пожеланьям погоды,
В эту стужу и снежный покров
Неужели тебе так угодно
Волновать по-весеннему кровь?

Я стараюсь — и выюжу, и дую —
В свое время свой нрав показать,
А ты словно хранишь кладовую
Жара в сердце и прежнюю статью!..»

ПАРАЛЛЕЛЬ

Как хочу я любить безоглядно!..
Ни о чем не скорбеть, не жалеть.
Свое сердце улыбкой отрадной
Каждый день согревать... и гореть.

Отчего навсегда затерялись
Легкий смех и лучистость в глазах?
Безмятежности той не осталось
Даже в светлых, восторженных снах...

Отчего оговорки в мечтаньях
Стали чаще, веселей подчас?
Из полетов моих самых дальних —
Возвращаюсь домой каждый раз.

СИНЯЯ ПТИЦА

Было трудно дышать — задыхалась.
Было трудно идти — перешла..
Как была — такова и осталась
Вопреки всем проклятиям зла.

Помогала в том Синяя птица
И с ладоней клевала зерно.
Не давала печалью забыться,
Поднимала меня на крыло.

Обрела я, что долго искала, —
Чистоту восходящего дня..
Только Синяя птица пропала —
Улетела она от меня...

Я обиду с тобой не сумею забыть.
Кровоточит пусть старая рана.
Но зато мое сердце смогу подарить
Без тоски, без вины, без обмана.

Ты держи его крепко в любимых руках
И почаще биение слушай.
Как бы нам побродить по цветочным лугам
Ничего не спугнуть, не нарушить?

Мои губы коснутся желаемых губ,
Твои пальцы сплетутся с моими..
Как всегда приласкай, обними, приголубь!..
Кто сказал, что мы были земными?..

Поднялась над рощей стая
Темнокрылых птиц.
Все в природе не случайно:
Свет и тень границ.

Опускаются снежинки
На лицо, ладонь.
На стене висит картина —
«Светло-рыжий конь».

Золотая его грива
Реет на ветру.
Он по полю мчит игриво
В светлую мечту.

У картины нету рамки:
Время на счету,
Так ведь лучше — может, раньше
Конь найдет мечту.

Я хотела быть красивой:
Я прическу поменяла,
Шить наряды отдавала,
Стала нежной и всесильной,

Неожиданной и чинной.
И в глазах сияла тайна.
И при встрече не случайно
Улыбались мне мужчины.

И привычные ненастья
Разбегались, как котята, —
Потому что ждал меня ты,
Потому что было счастье...

МОЯ ВЕСНА

Серое шоссе, серые машины,
Серые проталины за моим окном.
А в душе светло, а в душе невинно,
А душа наполнена светом и теплом.

По весенним лужам шлепают детишки.
Солнце скуповато отдает лучи.
Почему-то песен птиц совсем не слышно.
Лишь снуют по пашне черные грачи.

Вроде бы по срокам — песенное время.
Прошлою весною — солнце, зелень, гам.
Мне же — все равно. Я, от счастья млея,
Новую весну — никому не дам.

Грациозно, в спокойствии мудром
Бесконечно плывут облака.
Синей ночью в мерцанье подлунном
Наполняет простор тишина.

Из далеких полей мироздания
Льется чистый искрящийся свет.
Ночь сулит благодатность свиданья
И таит первородный завет.

Будет встреча с желанной природой,
С затаенным дыханьем земли.
Гаснут в вечности прошлого годы,
Оставаясь в безбрежной дали.

Неподвижны, задумчивы звезды...
Что им бранный бушующий мир?
Благотворным сиянием версты
Насыщают бескрайний эфир.

Расскажи, чем печалит минувшее.
Говори, что неладно сейчас.
Остается на памяти лучшее,
Что в душе было — не напоказ.

Ты присядь, как в былые свидания,
Мою руку в ладонях сожми...
И без слов я услышу признание
В твоей чистой и светлой любви.

Сколько прожито, переосмыслено!
Состраданьем богаты сердца...
Оттого, может, хочется сызнова
Мне в твои окунуться глаза.

Мне алый закат напомнил былое,
И вырвался вздох из груди.
Цветок на окне — сокровенный алоэ —
Из той невозвратной дали.

Его изумрудные крепкие листья
Взрастила родная рука...
И рядом дыхание теплое мнится,
В раздумье плывут облака.

Заветное помнит цветок молчаливый
Безропотно память хранит.
Печаль бесконечная неизлечима —
Пронзительной песней звенит.

Ты — мое долгожданное счастье,
Мой высокий, бескрайний полет.
Не печалят, как прежде, ненастья,
Не тревожит бездушье забот.

О тебе никому не сумею
Рассказать, написать, передать.
Только взгляд многозначный доверю
Я тому, с кем пришлось горевать.

О тебе перед Ветром станцию.
Он поймет мой волнующий вальс.
И добавит напористость бури,
Зашумит, захохочет, кружась.

Я поведаю яркому Солнцу
О тепле наших ласковых встреч...
Луч горячий до самого донца
Согревает любовь двух сердец.

Перед Небом на цыпочки встану
И рукой дотянусь до небес.
Лоскуточек лазурный достану
С высоты звездопадных чудес.

АНТОНИНА ШИТОВА

Антонина Ивановна родилась 24 октября 1948 года в деревне Соврасово Солнечногорского района, Московской области. Вскоре семья переехала в Москву.

Окончила Московский радио-технический техникум им. А.А. Расплетина. С 1966 года работает в одном из московских НИИ, в настоящее время ведущим инженером.

Стихи пишет с детства. Летние каникулы, проводимые на дивных рязанских просторах, открывающих панораму ландшафтного зрелища, в селе Кузьминском, позволяют свободно, размашисто развернуться мыслям и претворить творческие замыслы в новых произведениях.

ГЕНЕРАЛ МОРОЗ

Зима, трескучие морозы
Арийцев ввергли в дрожь и слёзы,
Как выручили холода
В военно-грозные года...

В снегу глубоком виден столб,
Указан где фашистам гроб.
Колючей стужей их стегали,
Не согревали шнапс, регалии.

Генштаб обрёл себе ловушку,
С окопов съехались в избушку.
Напали наши танки в ночь,
Беднягам некому помочь.

Вскочили фрицы впопыхах —
Пилоточки на головах.

Платочки женские и шали
Задора им не обещали.

Не грела их чужая шуба,
Вояки с юга дали дуба...
Умелый, боевой солдат
Прогнал врага из русских хат.

Упорный генерал Мороз,
Сугробов вдоволь понавёз.
В народ надеясь, свято верил,
Осилит, сгинут гости – звери.

2006г.

ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЕ

Горячевой Татьяне Васильевне

Пусть голова почти седа,
Не стоит хмуриться, бояться.
С тобою близкие всегда,
Твоя родня – твоё богатство.
Пусть голова почти седа,
С тобою близкие всегда,
Твоя родня — твоё богатство.

И часто время торопя,
Привычно нам в дела впрягаться,
В сберкнижке денег не копя,
Твоя родня – твоё богатство.
Шепча “спасибо” всем годам,
Встречаясь, радуясь, смеяться,
Не огорчаться никогда,
Твоя родня - твоё богатство.

Признаться, рады за тебя,
Душой открыто улыбаться,
Держаться вместе на века,
Твоя родня — твоё богатство.
Живи сто лет наверняка,
Не беспокойся за сына,
Твоя родня – твоё богатство.

1999

ИМЯ ТВОЕ ВЕЧНО, ЖИЗНЬ ТВОЯ НЕ- БЕССЛЕДНА...

*Посвящается отцу,
Шитову Ивану Васильевичу*

Как любил ты родные просторы,
Отчий дом и высокие горы.
Не любил только ссоры, раздоры,
Ложь, обман, клевету и укоры.

Завещал упокоить в Кузьминском.
От душевной разлуки и боли
На январских скорбили поминках.
Спи спокойно в Рязанском раздолье.

Для людей был доступен и прост.
И всегда, если будем мы близко,
Непременно придём на погост,
Постоим и поклонимся низко.

1985

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Друзья, родные, вас с событием большим!
В честь Ромочки мы тост провозгласим.
В честь солнца. Да. Ей-богу, не грешим,
Своих любимых сравнивая с ним.

Цветы и крылья птиц в мечтах дороже.
Мне, кажется, когда мы влюблены,
То все на них немножечко похожи...
На птиц, возможно, глядя, жить должны.

На журавлей, они вдогонку зною
Отсюда улетают каждый год.
Пусть все они вернуться к нам весной,
И пусть удачен будет их полёт.

Я тост провозглашаю в равной мере
За всех и певчих, и не певчих птиц.
Гусь – не певец, но не его ли перья
Касались звонких пушкинских страниц.

За то, чтоб в мире было вдоволь хлеба,
Чтоб жили все и в дружбе, и в тепле.
Как волнам моря и как звёздам неба,
Всем людям хватит места на Земле.

Как тополь строен, молодой и тонкий,
Стремится к небу в хоровод берез,
Чтоб он вперегонки с моим внучонком,
Не зная бурь и суховеев, рос!

2002

ВЕСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ФАНТАСОФИЯ»

пресс-релиз

Литературно-творческое объединение «ФАНТАСОФИЯ» было образовано в апреле 2003 г. в Уфе (Республика Башкортостан).

В связи с расширением творческих рамок и активным приемом в члены объединения помимо литераторов также представителей других творческих направлений и профессий, деятелей искусства, науки и духовной культуры в целом, в сентябре 2005 г. литературно-творческое объединение «Фантасофия» переименовано в творческое объединение «Фантасофия». ТО «Фантасофия» представлено в Интернете своим официальным сайтом www.phantasophia.ru, а также располагает собственной страницей в сетевом международном проекте «Живой Журнал» <http://www.livejournal.com/community/phantasophia>). Издаются литературный альманах «Фантасофия» и коллективный сборник «Уфимская литературная критика».

E-mail: eddybay@mail.ru; eddybay@ufacom.ru

Название творческого объединения состоит из двух слов: «Фантазия» и «София», что означает союз воображения и мудрости. Девиз «Фантасофии»: «Ars longa, vita brevis» – «Искусство долговечно, жизнь коротка». Кардинальный принцип ТО «Фантасофия» – сотрудничество творческих личностей в рамках полиэтнического и мультикультурного диалога и взаимодействия. Целями «Фантасофии» являются проведение творческих встреч, организационных собраний, всевозможных конкурсов, фестивалей, презентаций, выставок и прочих культурных акций, продвижение имен и творчества членов творческого объединения, выпуск своих периодических и продолжающихся изданий и книг, широкое участие в культурной и общественно-политической жизни региона, России и всего цивилизованного мира.

Высшая цель деятельности «Фантасофии» как духовно-культурной организации – увеличение ноосферы, упорядоченности в дальнейшем развитии духовно-материальной культуры человечества для того, чтобы противостоять мировой энтропии, несущей

хаос, разрушение, гибель живого и тепловую смерть Вселенной. Ноосфера – мыслящая оболочка планеты, носителем которой является все человечество. Как совокупный человеческий разум ноосфера выступает в качестве глобального образования, планетарного феномена. Ноосфера – уникальное явление в пределах Вселенной. Задача его носителя – человеческого мирового сообщества – сохранить и приумножить, способствовать его развитию и расширению в космосе. С этой целью необходима коэволюция общества и природы, антропосферы и биосферы. Важнейшим вкладом в общее дело совместной эволюции ноосферы и биосферы, как и путем реализации вышеприведенных постулатов, является духовно-культурная деятельность человечества, всех позитивных и креативных сил общества по главной формуле бытия во Вселенной: справедливость → равенство → динамическое равновесие, и обратно – динамическое равновесие природы → равенство общества → справедливость Бога.

Мы проводим политику толерантности, политкорректности и плюрализма, осуждая любые проявления экстремизма, сепаратизма, шовинизма, расизма и национализма. Работа нашего объединения строится на принципах соблюдения Устава и подчинения членов управлению руководства организации (в лице председателя и назначаемых им сотрудников) – в организационном плане, и полной демократии – в плане творческом.

Авторы, входящие в состав «Фантасофии», работают практически во ВСЕХ творческих жанрах и направлениях.

Правление республиканского творческого объединения «Фантасофия»: председатель – Эдуард Артурович Байков (г. Уфа; культуртрегер, писатель-беллетрист, поэт, публицист, литературный критик, журналист, историк, обществовед, философ); заместители председателя – Рустем Юсупович Мирсаитов (г. Уфа; культуртрегер, поэт, публицист), Александр Леонидович Филиппов (г. Уфа; писатель-беллетрист, поэт, публицист, литературный критик, историк, социолог); ответственный секретарь – Всеволод Олегович Глуховцев (г. Уфа; писатель-беллетрист, публицист, философ, доцент); главный редактор издательских проектов – Андрей Иванович Самойлов (г. Уфа; писатель-беллетрист).

На 20.02.2006 общая численность ТО «Фантасофии» составляет 148 человек.

Необходимо отметить, что не получая никакой материально-финансовой поддержки – ни со стороны государства, из бюджета, ни со стороны потенциальных спонсоров-меценатов, мы тем не менее, все эти годы занимались творческой, информационной и организационной деятельностью, активно продвигали своих авторов в республиканском и российском литературно-информационном пространстве и, самое главное, выпустили за свой счет 6 номеров литературного альманаха «Фантасофия», 4 выпуска коллективного сборника «Уфимская литературная критика» и 3 выпуска научно-философского альманаха «Вехи Евразии». А всего членами творческого объединения «Фантасофия» издано свыше пяти десятков книг.

Более того, о нас и наших изданиях неоднократно писали известные литературные журналы и газеты Москвы, Петербурга и других крупных городов России, к примеру, такие как «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Урал», «Литературная газета» и другие.

Многие наши авторы публиковались не только в местной, но и в центральной прессе, в столичных альманахах и сборниках, у некоторых уже вышли книги в крупнейших издательствах обеих российских столиц.

Всего фантасофами за последние полтора года проведено четырнадцать культурных и организационно-творческих мероприятий, самым ярким из которых, бесспорно, считается Первый республиканский поэтический конкурс «Слово». А ныне в рамках деятельности нашего объединения мы задумали воплотить в жизнь в грядущем году несколько важных для духовно-культурной жизни республики проектов. Это: проведение Второго открытого республиканского поэтического конкурса «Слово» – под патронажем «Фантасофии»; издание к празднованию 450-летия присоединения Башкирии к России коллективного сборника произведений членов объединения, посвященных тематике родного края; проведение конкурса «Фантасофии» на лучшее беллетристическое произведение малой прозы – с объявлением победителей в четырех номинациях, вручением им дипломов лауреатов и денежных премий.

14 февраля состоялась презентация республиканского поэтического сборника любовной лирики, выход которого был приурочен ко дню всех влюбленных – дню Святого Валентина. Данный проект проводился совместно с республиканским радио

«107 Спутник FM». Презентация прошла в учебном театре Академии Искусств и была совмещена с концертом и фуршетом.

Кроме того, мы выдвигаем наших авторов на участие в различных конкурсах и издательских проектах. Например, на соискание Государственной республиканской молодежной премии им. Ш. Бабича в области литературы выдвинуты члены ТО «Фантасофия» Рустем Мирсаитов и Рустам Нуриев. На издание книг в государственном издательстве «Китап» в серии голоса молодых от имени «Фантасофии» предложены кандидатуры Виктории Скриган и Рустема Мирсаитова – в жанре поэзии, Всеволода Глуховцева и Эдуарда Байкова – в жанре прозы.

Нами принято решение от слов перейти к реальным и практическим делам, а именно – поучаствовать в благотворительности. Фантасофами выдвинут лозунг «Детям – от чистого сердца!». 18 февраля в 14.00 мы провели первую благотворительную акцию в детском доме № 9 (ул. Кольцевая, 103), где помимо прочего подарили концерт детям. Мы, конечно же, не остановимся на этом, продолжим свою благотворительную деятельность, в частности, возьмем шефство над детдомом № 9. Все, кто разделяет наши благие начинания, присоединяйтесь!

Состоявшиеся в текущем году несколько общих собраний наглядно показали, что фантасофы намерены и впредь вести самую активную творческую жизнь, участвовать в городских, республиканских и общероссийских культурных акциях и мероприятиях, премиях и конкурсах, издавать свои авторские книги и коллективные сборники. Уже с начала нынешнего года мы выдаем всем фантасофам членские билеты. А далее в планах – официальная регистрация творческого объединения «Фантасофия», а также расширение творческо-организационных рамок деятельности нашей духовно-культурной организации в масштабах страны.

Одним словом, мы не стоим на месте!

Пояснение: любой считающий себя творческой личностью может войти в состав ТО «Фантасофия» – для этого нужно лишь изъявить желание. Плюсы: мы будем вас продвигать, пиарить, публиковать, словом, поддерживать – в меру своих сил и возможностей. Членам творческого объединения выдаются членские билеты.

О ЛИТЕРАТУРНОМ АЛЬМАНАХЕ

«Сияние Лиры»

Совсем недавно на российском литературном небосклоне появилась новая звезда – литературный альманах «Сияние Лиры». Его рождение не прошло незамеченным. Об этом говорит хотя бы тот факт, что на сайте альманаха в Интернете постоянно появляются новые посетители, ведется активная переписка по электронной почте. Предстоит презентация альманаха «Сияние Лиры» в Центральном Доме Литератора.

Пожалуй, главная отличительная черта альманаха – его открытость. Ведь в нем публикуются не только опытные мастера слова, члены Союза Писателей России, но и молодые, начинающие авторы. Публикуются российские и зарубежные авторы.

Единственным критерием для отбора писателей и поэтов является достойный художественный уровень их произведений. Из этого же складывается концепция альманаха «Сияние лиры» – максимально более широкое, объективное отражение процессов, протекающих в российском литературном мире, отсутствие жестких рамок, критериев и требований. Самое главное – искренняя любовь писателей и поэтов к литературе, к искусству, к творчеству как таковому. Так что шанс быть опубликованным на страницах альманаха «Сияние Лиры» есть почти у всех.

Группа энтузиастов регулярно, номер из номера публикует в альманахе свои самые последние произведения, написанные на разнообразных темы.

Следует отметить, что редактор альманаха «Сияние Лиры» В. Богданов считает излишним и пустым вопрос о противостоянии прозы и поэзии, широко обсуждаемый ныне в московском литературном бомонде. Сам для себя его он, равно как и другие участники альманаха, решил уже давно: в его творчестве представлены как поэтические, так и прозаические произведения. И более того, авторы, публикующиеся в альманахе «Сияние Лиры», пробуют себя в разных жанрах и стилях, стремятся найти новые грани своего таланта. Это такие, как М. Анохин, Э. Байков, В. Беликов, В. Богданов, В. Волошина, Ю. Геншель, И. Горюнова, Е. Дашцэрэн, С. Замлелова, В. Захаров, М. Зверев, А. Козлов, В. Новиков, Е. Шуваева-Петросян, В. Слинкин, Е. Соколова, Л. Стефанович, Н. Плевако и др.

В каждом номере альманаха представлены произведения самой широкой тематики. Можно выделить наиболее популярные у авторов темы: тема Родины, тема любви, тема воинского долга, тема чести и достоинства, тема войны и мира, тема детства. Но особенно активно в альманахе решается вопрос о предназначении талантливого человека, о сложном выборе между мещанскими моральными ценностями и высоким творческом призванием.

Найти в повседневности новые яркие краски, сюжеты для рассказов, стихов, эссе – вот основная цель авторов, публикующих в альманахе «Сияние лиры».

И ведь в этом и состоит суть литературного процесса – суметь выделить, оттенить значимость происходящих событий, обнажить нервы души и писать, писать... Писать вопреки трудным жизненным обстоятельствам, бытовым проблемам... Писать, чтобы оставить свой след на Земле, чтобы поведать миру о прекрасных мгновениях человеческой жизни.

Редакционная коллегия приглашает уважаемых читателей познакомиться с авторами, представленными в выпуске № 2 альманаха «Сияние Лир». Надеемся, что наше детище не оставит никого равнодушным!

22 февраля 2006 г.

*Екатерина Дащцэрэн, литературный редактор альманаха
“Сияние Лир”.*

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИВОПИСЬ

ЕВГЕНИЙ ФИЛИНОВ 3

ТАТЬЯНА БОРИСОВА - УРАПОВА 4

СИЯНИЕ ДЕТСКИХ ДУШ

ТАТЬЯНА БОРИСОВА - УРАПОВА 11

СЕРАФИМ СТЕФАНОВИЧ 13

ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ

ДЖУЛИЯ КОРОННЕЛИ 14

ВЛАДИМИР ЧЕХОВСКИХ 15

ЮЛИЯ ГУСЕВА 16

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

ВИКТОР АГАФОНОВ 17

АНАСТАСИЯ АНОХИНА 24

ВЛАДИСЛАВ БАСУКИНСКИЙ 27

ВЛАДИМИР БЕЛИКОВ 30

МИХАИЛ БОГДАНОВ 36

ВЛАДИМИР БОГДАНОВ 45

ТАТЬЯНА БОРИСОВА-УРАПОВА 65

АЛЕКСАНДР ГАЛКИН 101

ЕКАТЕРИНА ДАЩЦЭРЭН 103

СВЕТЛАНА ЗАМЛЕЛОВА 111

ВАЛЕРИЙ ЗАХАРОВ 115

ВЛАДИМИР КОЖУШНЕР 120

ДЖУЛИЯ КОРОННЕЛИ 123

ГАЛИНА ЛАРИНА 159

СВЕТЛАНА МЕЛЕНТЬЕВА 176

Г. ПАШНЁВ 182

МАКСИМ ПЕРФИЛЬЕВ 215

БОРИС ПЕТРУНИН 238

НИКОЛАЙ ПЛЕВАКО 243

ВЛАДИМИР ПОБЕДЁННЫЙ 253

ГАЛИНА САДОВСКАЯ 280

ЛИДИЯ СТЕФАНОВИЧ 283

ЕЛЕНА СОКОЛОВА 286

АНТОНИНА ШИТОВА 293

ВЕСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ 297

О ЛИТЕРАТУРНОМ АЛЬМАНАХЕ 301

Сияние лиры

Главный редактор Н. Плевако

Художник Татьяна Борисова - Урапова

На первой стороне обложки
картина “Молитва”.

На четвертой стороне обложки
картина “Драконовы горы”.

На первой странице альманаха
картина “Зазеркалье”.

Издательская группа:

Редактор В. Богданов

Художественные редакторы:

Е. Дашцэрэн

Д. Короннели

Корректор Н.А. Гераскина

Координатор проекта В. Беликов.

Сдано в набор 1 февраля 2006 г.

Подписано в печать 14 марта 2006 г.

Формат 60x84/16

Объем 19 усл. печ. л.

Тираж 500 экз. Печать офсетная.

Бумага офсетная

Заказ №

Для писем: Lrodnik@yandex.ru

Адрес сайта: <http://orbita-1.narod.ru/index.html>

Отпечатано в ГУП МО “Коломенская типография”

140400, Московская обл., г. Коломна, ул. III Интернационала, 2а

Издатель – ООО “ФЕНИКС ПЛЮС”

СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ